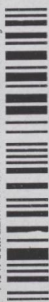

K 789k.I

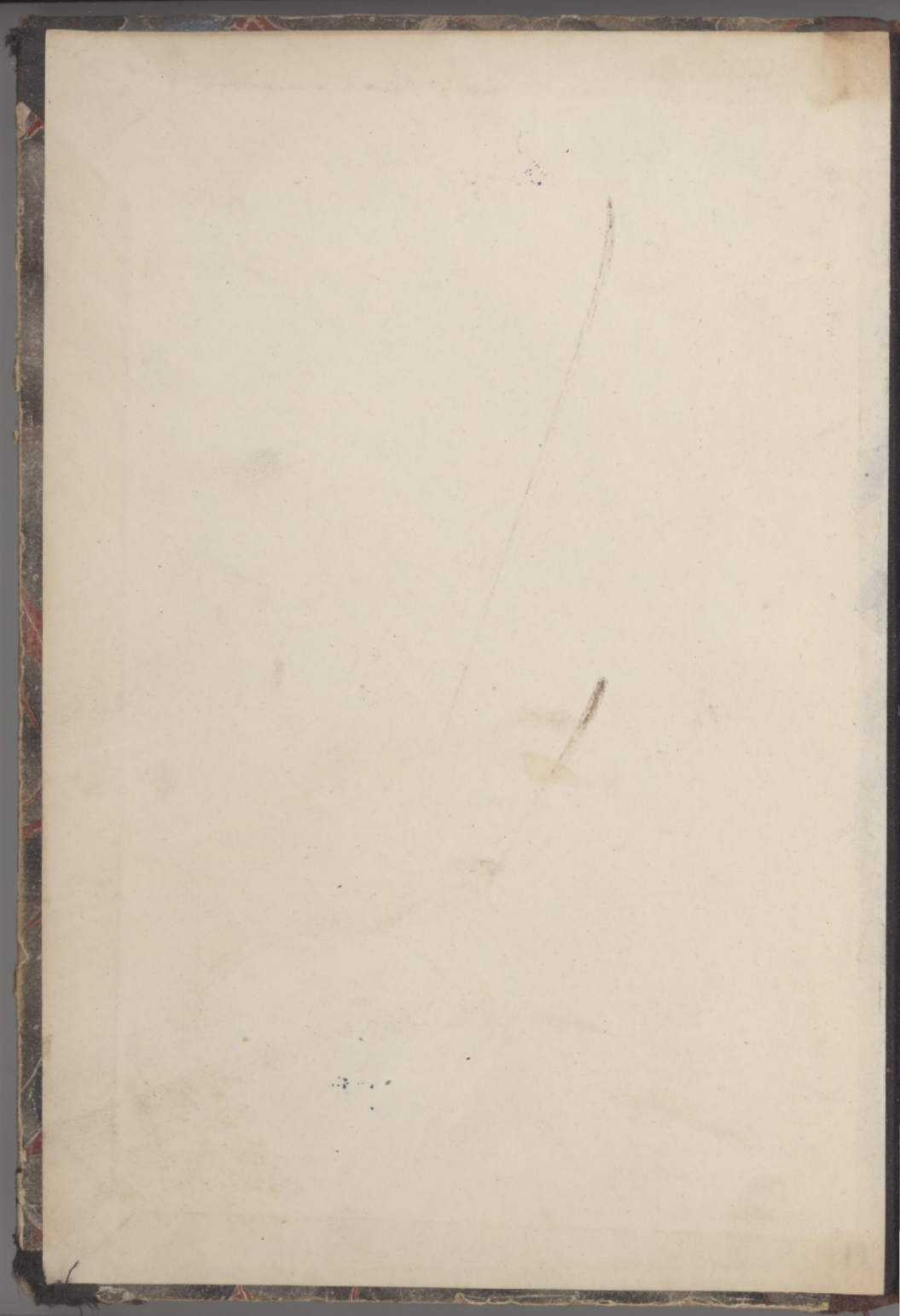
273613

V.N. Karazin Kharkiv National University

00620407

1

20

~~28~~

(20)

83

20

13

27

11

66

64

$$14 + 8 = 22$$

$$7 \quad 24 = 16 \quad 40$$

$$19 \div 4$$

Вм. II №4.

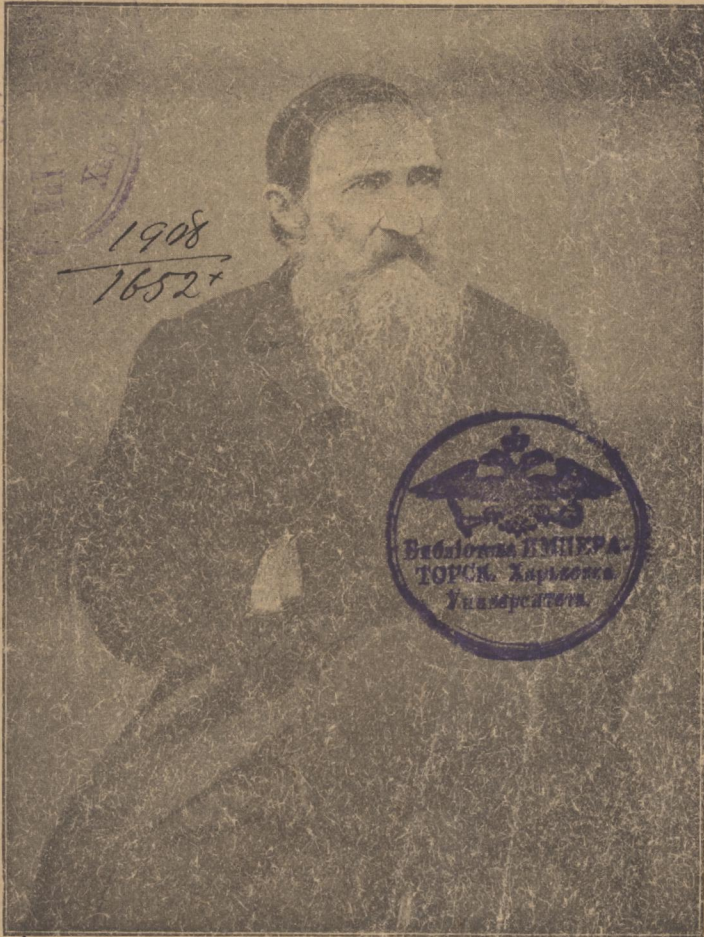
БИБЛИОТЕКА СЪВЕРА

Д. Крашевскій.

12. IV

КОРДЕЦКІЙ.

660

1908
1652+

ТОМЪ

X.

Октябрь

2462

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ Н. О. МЕРТЦА.

Безплатное приложеніе.

10645

К 789-к. I

КОРДЕЦКІЙ.

~~12. IV~~
~~660~~

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

А. Крашевскаго.

~~1908~~
~~1652*~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Дома Призрѣнія Малолѣтнихъ Бѣдныхъ. Лиговская ул., № 26.

1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 18 Октября 1900 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

На каменистой горѣ, въ живописной мѣстности, усѣянной холмами, на которыхъ виднѣются развалины старинныхъ замковъ, возвышается, полный многихъ историческихъ воспоминаній, знаменитый Ченстоховскій монастырь. Раскинувшіеся вокругъ него лѣса, поля, селенія, часовни кажутся въ сравненіи съ нимъ послушными вассалами, покорно склоняющими голову предъ своимъ могучимъ властелиномъ.

Эта древняя обитель, постепенно строившаяся въ теченіе многихъ вѣковъ, имѣетъ видъ укрѣпленнаго замка. Соединенный съ нею величественный соборъ высоко вознесся надъ окружающими зданіями, а его стройная колокольня съ блистающимъ крестомъ точно паритъ въ облакахъ. Немного ниже, подъ тѣнью ея, на церковной крышѣ, въ лучезарномъ кругѣ образъ Богоматери издали указываетъ набожнымъ паломникамъ путь къ ихъ святой и вѣчной Заступницѣ. Вокругъ собора расположены часовни, большія и маленькіе, изъ которыхъ почти неумолкаемо доносятся голоса монаховъ. Тутъ же бѣлѣетъ обширный и красивый монастырь, воздвигнутый усердіемъ сильныхъ міра сего, украшенный многочисленными дарами вѣрныхъ. Издревле это святое мѣсто, стоящее на границѣ и не разъ подвергавшееся нападеніямъ, окружено зубчатою стѣною. Надъ ней возвышаются по угламъ то круглыя, то четырехгранныя, построенныя въ разное время, сторожевыя башни, охраняя отъ враговъ доверенное имъ сокровище.

У подножія горы, недалеко отъ монастыря, стоитъ маленькая церковь, построенная въ 1655 году во имя святой Варвары. Съ другой стороны церковь св. Роха, защитника и хранителя отъ моровой язвы, соединяетъ монастырскую твердыню съ мѣстечкомъ, главный соборъ котораго величественно возвышается надъ черными крышами мѣщанскихъ домовъ. Теперь

вокругъ стѣнъ (давно уже не видѣвшихъ войны), точно гнѣзда ласточекъ, прилѣпились небольшія деревянныя постройки. Это лавченки торговцевъ, поджидающихъ подъ стѣнами монастыря многочисленныхъ набожныхъ паломниковъ. Тамъ у нихъ подъ навѣсами можно найти образа чудотворной иконы, большіе и малые, дорогіе и дешовые, молитвенники, житія святыхъ, душеспасительныя книги, крестики, четки.

Значительная часть здѣшнихъ бѣднѣйшихъ мѣщанъ подъ покровомъ своей Заступницы добываетъ средства къ существованію, почти исключительно благодаря набожности тѣхъ огромныхъ массъ народа, которыя волнами плывутъ къ древнему чудотворному образу.

И донинѣ здѣсь многолюдно; но каково же тутъ было въ тѣ святыя, золотыя вѣка еще непоколебимой и горячей вѣры? Не только вся Польша, Литва, Русь, пограничная Силезія доставляли многочисленныя толпы пилигримовъ, сюда стекались также массы народа изъ Чехіи, Моравіи, Венгріи, Германіи и даже изъ болѣе дальнихъ странъ западной Европы, ибо образъ Ченстоховской Божіей Матери славится на весь христіанскій міръ. И какъ съ юга въ Римъ, такъ съ сѣверо-востока Европы сюда, къ этой священной обители Утѣшительницы скорбящихъ направлялись цѣлые караваны пилигримовъ, съ молитвой и набожными гимнами. Здѣсь встрѣчались и соединялись со всѣхъ сторонъ двигавшіяся толпы людей, и здѣсь, у Ясной-Горы, всѣми со слезами возносилась одна искренняя молитва: «Спаси!»

Одни шли пѣшкомъ, несмотря на то, что за ними слѣдовали экипажи съ многочисленной дворней, и добровольно подвергали себя тягостямъ далекаго пути, другіе нарочно удлиняли себѣ дорогу, дѣлая три шага впередъ и два шага назадъ. Нѣкоторые шли, питаясь хлѣбомъ и водой; иные странствовали по обѣту, добывая себѣ насущный хлѣбъ подаеніями; нѣкоторые ползли на колѣняхъ въ веригахъ и тяжелыхъ цѣпяхъ. Всѣ страдающіе недугами или отягченные грѣхами, изможденные, нуждающіеся въ помощи стекались сюда, забывая всякія отличія: бѣдный шелъ съ богатымъ, крестьянинъ съ сенаторомъ—всѣ стремились къ одному алтарю, всѣ были равными дѣтьми единой Матери. То было прекрасное, умиляющее зрѣ-

лице, когда навстрѣчу истомленнымъ пилигримамъ выходили монахи съ крестомъ и хоругвями, привѣтствуя и сопровождая къ обители, довѣренной ихъ охранѣ. Въ усталыхъ путникахъ пробуждались силы, измученные глаза ихъ освѣжались слезами радости, изъ спекшихся устъ вырывалась горячая, искренняя молитва и каждый, падая ницъ предъ открывающимся образомъ, чувствовалъ будто тяжелое бремя тотчасъ спадало съ плечъ, будто всѣ страданія, терзавшія его душу и тѣло, исчезали у подножія этой святой чудотворной иконы.

Образъ этотъ на Ясной-Горѣ давно уже славился чудесами во всей Польшѣ, пробуждая въ сердцахъ вѣру, призывая грѣшниковъ къ покаянію, сіяя ореоломъ чудотворной силы. Не было никого, кто бы отсюда ушелъ не утѣшеннымъ, не умиленнымъ. Вглядываясь въ этотъ образъ Пречистой Дѣвы, Матери Распятаго Христа, умалялось и исчезало людское страданіе, при воспоминаніи о великой, кровавой, таинственной жертвѣ.

Съ XIV вѣка хранила этотъ образъ Ясная-Гора, а короли и князья, богачи и нищіе, всѣ съ одинаковымъ усердіемъ стремились къ возвеличенію святого трона всеобщей Утѣшительницы. Каждый несъ сюда, что могъ: король—горсть золота, гетманъ—булаву, нищій—дорого доставшійся грошъ. Епископъ жертвовалъ въ своемъ завѣщаніи золотую чашу, дворянинъ—лампаду, словомъ, всѣ обогащали и украшали народную святыню, какъ могли и умѣли. И вотъ изъ этихъ многотысячныхъ жертвъ постепенно воздвигался соборъ, сооружались монастырскія стѣны, воздвигалась колокольня, засіяли алтари драгоценными покровами, вокругъ Пречистой заблистали серебряныя изваянія святыхъ, а сокровищница стала истинной сокровищницей, такъ какъ въ ней скопилось многое изъ того, что дороже всѣхъ драгоценностей міра—скопилось историческія воспоминанія.

Не было храма, не было жилища, гдѣ-бы нельзя было найти Ченстоховской Богоматери, а прославленные Ея изображенія были разсыяны по всей странѣ: въ Силезіи, въ восточной Пруссіи, на Руси, въ землѣ Волынской, въ княжествѣ Ловичскомъ, въ Австріи и даже въ Римѣ набожные люди, не имѣя возможности попасть въ Ченстоховъ, старались пріобрѣсти копіи, равно чудотворныя, какъ та кипарисовая доска, на которой, по преданію, святой евангелистъ Лука, въ минуту

вдохновенія, воспроизвелъ божественный ликъ Пресвятой Дѣвы. Словомъ, изображенія эти были всюду: въ хижинахъ простолюдиновъ, надъ ложемъ богачей и бѣдняковъ, на оружіи рыцарей, на перстняхъ женщинъ, на четкахъ монаховъ.

Возможно-ли обойти молчаніемъ происхожденіе и нѣкоторыя сказанія объ этомъ столь древнемъ и славномъ образѣ?

Преданіе говоритъ, что св. Лука живописецъ-евангелистъ, покровитель всѣхъ художниковъ, въ минуту вдохновенія нарисовалъ его на столикѣ изъ кипарисоваго дерева и предназначилъ для благочестивыхъ дочерей іерусалимскихъ. Произведеніе это въ теченіе многихъ вѣковъ переходило изъ рукъ въ руки, пока, наконецъ, не попало въ Польшу. Во время осады Іерусалима Титомъ, святой образъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ. Царица Елена, мать Константина Великаго, увезла его въ послѣдствіи въ Константинополь. Царица Ирина (769—803 г.) спасла его въ свое время отъ бѣшеной ярости иконоборцевъ. Наконецъ, преемникомъ послѣдней онъ былъ пожертвованъ Карлу Великому (803—810) и сопровождалъ его въ многочисленныхъ походахъ; но какъ попалъ онъ затѣмъ отъ этого покорителя славянъ къ одному изъ славянскихъ князей, про это одинъ Богъ знаетъ. Позже мы находимъ его у Владислава князя Опольскаго. Ченстоховъ, позднѣйшій хранитель этой святыни, былъ въ то время небольшимъ поселеніемъ вблизи могущественнаго Олыштына. Послѣднее произведеніе человеческихъ рукъ, теперь въ развалинахъ. Ченстоховъ—твореніе вѣры, переживаетъ его, все болѣе и болѣе возрастая. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ, по нѣкоторымъ даннымъ, онъ былъ довольно значительнымъ поселеніемъ, а Владиславъ князь Опольскій былъ первымъ творцомъ будущаго величія народной святыни.

Въ хроникахъ того времени повѣствуется о томъ, какъ этотъ князь былъ чудесно спасенъ отъ страшной угрожавшей ему опасности, благодаря образу Ченстоховской Богоматери. Однажды, совершенно неожиданно, онъ былъ осажденъ татарами въ своемъ Белзскомъ замкѣ. Гарнизонъ его былъ настолько малъ, что князь, сознавая свое безсиліе, болѣе рассчитывалъ на помощь Божью, чѣмъ на мужество защитниковъ. Въ то время образъ находился въ часовнѣ замка. Владиславъ въ отчаяніи бросился передъ нимъ на колѣни, моля о спасеніи. Во время

молитвы, когда у стѣнъ замка происходилъ ожесточенный бой, а осажденные еле сдерживали напоръ многочисленныхъ враговъ, какая-то татарская стрѣла проникла въ часовню, со свистомъ пролетѣла надъ головой склоненнаго князя и вонзилась въ образъ. При видѣ такого святотатства, слѣды котораго остались до нашихъ дней, князь со слезами умолялъ о наказаніи. И вотъ внезапно разразилась буря, сопровождавшаяся страшнымъ вихремъ и потрясающими ударами грома. Среди нападающихъ началось смятеніе, гарнизонъ, пользуясь замѣшательствомъ враговъ и подъ покровомъ темноты, во главѣ съ княземъ, сдѣлалъ вылазку, и татары, потерпѣвъ пораженіе, разсѣялись. Послѣ побѣды, Владиславъ хотѣлъ взять образъ съ собою въ Ополь, но во снѣ ему было указано свыше оставить его въ Ченстоховѣ.

Въ 1382 году онъ былъ помѣщенъ въ предназначенномъ мѣстѣ и переданъ подъ охрану монашескаго ордена Паулиновъ. Среди обширной равнины, пересѣченной Вартой, притокомъ Одера, на высокой скалистой горѣ, господствующей надъ всей окрестностью, были построены первыя жилища для монаховъ, а старая церковь, здѣсь уже существовавшая, засіяла новой святыней.

Монахи эти, называвшіеся также «братьями смерти», пользовались доходами съ окрестныхъ селеній и мельницъ.

Изъ королей Владиславъ Ягелло былъ первымъ благодѣтелемъ этой обители. Монахамъ добавили Старый Ченстоховъ, нѣсколько ближайшихъ деревень и доходъ съ мѣстечка. Уже въ то время слава Ченстоховскаго образа была настолько велика, что привлекала тысячи паломниковъ не только изъ Польши, но также изъ сосѣдней Силезіи, Моравіи, Пруссіи и Венгріи. Какъ нѣкогда, во времена Болеслава Храбраго, люди, недавно вышедшіе изъ язычества, охваченные жадностью, подчасъ рѣшались грабить только что основанные монастыри, такъ и здѣсь молва о сокровищахъ нерѣдко возбуждала дурныя инстинкты въ людяхъ, зараженныхъ ересью Гусса. Къ сожалѣнію, разъ даже свои, собравъ изъ пограничныхъ странъ бродягъ и разбойниковъ, подъ именемъ гусситовъ, совершили нападеніе на Ченстоховъ.

Нѣкій Яковъ Надобный, Янъ Куропатва и нѣкоторые дру-

гіе, составивъ шайку изъ разныхъ бездѣльниковъ изъ Силезіи, Чехіи и Моравіи, въ день св. Пасхи ворвались въ монастырь, въ то время совершенно еще не защищенный ни стѣною, ни сторожевыми башнями. Ожидаемыхъ сокровищъ они не нашли и принуждены были довольствоваться церковными сосудами. Соблазненные богатою ризою и драгоценностями образа, разбойники пытались отбить ихъ мечами, но безуспѣшно, а потому вырвали всю доску, на которой было изображеніе Богоматери и, изломавъ, бросили. Преступленіе это не могло быть скрыто, и вскорѣ оба начальника банды и ихъ сообщники были схвачены и погибли иные на плахѣ, иные въ тюрьмѣ.

Преданіе говоритъ, что святотатцы, пораженные ужасомъ послѣ совершеннаго преступленія были охвачены безуміемъ и почти всѣ неожиданно умерли. Монахи, послѣ ухода преступниковъ, направились по ихъ слѣдамъ и на пути нашли въ болотѣ запачканный и изломанный образъ. Желая обмыть святое изображеніе, они стали искать чистой воды, и вотъ недалеко внезапно появился источникъ съ прекрасной кристально-чистой водой. Позже, на этомъ самомъ мѣстѣ была воздвигнута церковь во имя св. Варвары. Тщетно старались, потомъ закрасить оставленные на образѣ слѣды ударовъ мечей. Они остались, какъ вѣчные свидѣтели преступленія. Въ 1466 году на монастырь напали чехи, но, получивъ выкупъ, образа не тронули, и, ограбивъ окрестности, ушли восвояси. Съ того времени было тихо на Ясной-Горѣ; увеличивалось число пилигримовъ, множились дары вѣрныхъ. Казиміръ Ягелло пріѣзжалъ сюда съ семьей и дворомъ, и обогатилъ обитель новыми селеніями и привилегіями. Всѣ короли увеличивали богатства обители и украшали какъ церковь, такъ и монастырь. Само поселеніе подъ покровомъ Заступницы, возрастало, увеличивалось число жителей, и постепенно маленькое мѣстечко преобразилось въ значительный городъ.

Сигизмундъ I, по примѣру предшественниковъ, не только подтвердилъ прежнія привилегіи, но одарилъ монастырь драгоценнымъ произведеніемъ собственныхъ рукъ. Этотъ король-артистъ, любившій искусство и въ часы отдыха занимавшійся имъ совмѣстно съ извѣстными художниками, пожертвовалъ великолѣпный крестъ. Сокровищница Ченстоховская уже въ то

время обладала множествомъ цѣнныхъ даровъ, часть которыхъ сохранилось и до нашихъ дней.

Съ того времени монастырь возвышался, строился и украшался.

Въ эпоху Сигизмунда III, когда возникло новое теченіе въ архитектурѣ и во всей Польшѣ старые маленькихъ размѣровъ церкви въ готическомъ стилѣ стали преобразоваться въ громадныя соборы, Ченстоховскія святыни, въ свою очередь, пожелали сравняться въ этомъ отношеніи съ другими величественными храмами.

Между прочимъ, началась постройка монастырской стѣны, и какъ разъ во-время, такъ какъ вскорѣ можно было ожидать новыхъ нападеній. Въ концѣ первой четверти XVII вѣка виѣшняя стѣна уже окружала вершину Ясной-Горы.

Сынъ Сигизмунда, набожный и мужественный Владиславъ IV, осыпалъ дарами Ченстоховъ. Въ 1633 году онъ палъ ницъ передъ образомъ Богоматери, умоляя дать ему силу и твердость въ правленіи государствомъ. Онъ, точно предчувствуя грядущія бури, спѣшилъ съ окончаніемъ монастырскихъ стѣнъ. Отправляясь за прахомъ своей жены, онъ еще разъ посѣтилъ Ченстоховъ, но тогда возлѣ него былъ еще сынъ, котораго, увы, онъ вскорѣ долженъ былъ лишиться. Говорятъ, что ребенокъ два раза преклонялъ колѣни передъ образомъ Пречистой, точно прося спасти его отъ смерти, точно молясь своей невинной душой за край, въ которомъ онъ долженъ былъ царствовать, но Богъ призвалъ его къ Себѣ, прежде чѣмъ онъ коснулся короны отцовъ своихъ, короны чистой, печальной, святой, но вмѣстѣ съ тѣмъ обвитой терніями.

Предшественникъ Яна-Казимира былъ однимъ изъ королей, оставившихъ въ Ченстоховѣ много воспоминаній. Нѣсколько разъ онъ посѣщалъ этотъ монастырь. Послѣ него Янъ-Казимиръ, отправляясь на коронацію, посѣтилъ древнюю обитель и позже, во дни тревоги и бѣдствій, онъ неоднократно бывалъ на Ясной-Горѣ и склонялся къ стопамъ Утѣшительницы всѣхъ скорбящихъ.

II.

Уже на вершинѣ Ясной-Горы возвышались стѣны новаго собора, часовни и монастыря, а у подножія ея, въ томъ мѣстѣ, гдѣ возникъ источникъ, была построена церковь св. Варвары, съ другой стороны стояла часовня св. Роха, съ третьей св. Якова. Часовня образа Маріи значительно была увеличена, а на собранныя вѣками сокровища постепенно пріобрѣтались все новыя украшенія, какъ-бы для соблазна новыхъ гусситовъ.

Между тѣмъ, надъ Польшей собирались грозовыя тучи и по вѣстамъ на небѣ появлялись зловѣщія знаменія, которыя въ тѣ времена народъ считалъ предвѣщаніемъ грядущихъ бѣдствій. За нѣсколько лѣтъ передъ описываемыми событіями сгорѣло, подожженное злоумышленниками, мѣстечко, а за годъ передъ нашествіемъ непріятелей огонь случайно уничтожилъ церковную колокольню. На небесномъ сводѣ свѣтились то комета, то какія-то таинственныя явленія, страхъ и тревога овладѣвали сердцами людей.

Набожные съ боязнью глядѣли на эти зловѣщія знаменія, являющіяся какъ бы грозными предостереженіями Всемогущаго. И не напрасны были опасенія, ибо страшныя приближались времена, времена небывалыхъ бѣдствій и невиданнаго униженія.

Въ Малороссіи вспыхнуло возстаніе казаковъ. Московскій царь взялъ Вильну, которую Радзивиллъ даже не защищалъ, потому-ли, что перешелъ на старону шведовъ, или потому, что для него важнѣе было защищать свои собственныя владѣнія отъ грабежей.

Карлъ-Густавъ, подговоренный измѣнникомъ Родзеіовскимъ, слишкомъ хорошо освѣдомленнымъ о положеніи дѣлъ въ своей странѣ, подъ простымъ предлогомъ нарушилъ перемиріе, заключенное до 1661 года, и высадился 15 августа 1655 года, съ цѣлью завоевать Польшу, совершенно неогражденную отъ нашествія непріятелей, которыхъ удерживала одна лишь слава о прежнемъ ея могуществѣ. Польша не имѣла ни защитниковъ, ни союзниковъ, ни друзей—всѣ ея надежды возлагались на Бога.

Извѣстіе о нападеніи Карла-Густава сначала считали вы-

думкой, до такой степени казалось страннымъ, чтобы онъ осмѣлился ворваться въ страну, которой весь народъ могъ подняться, какъ одинъ человѣкъ, въ защиту своихъ семейныхъ очаговъ, но, очевидно, Богъ хотѣлъ покарать и избралъ своимъ орудіемъ измѣнника.

И вотъ въ то самое время, когда многіе въ государствѣ такъ скептически относились къ слухамъ о замыслахъ шведовъ, Радзеіовскій, между тѣмъ, продолжалъ свое дѣло и въ Великой Польшѣ готовилъ торжественный пріемъ врагамъ своей родины.

Внезапно по всей странѣ пронеслась тревожная вѣсть. Карлъ-Густавъ уже перешелъ Варту, и калишскій воевода Грудзинскій, вмѣстѣ съ познанскимъ воеводой Опалинскимъ, перешелъ на сторону шведовъ.

Одна изъ главнѣйшихъ областей края открыла дорогу за-воевателю и соединилась съ нимъ.

Польша еще не успѣла очнуться отъ изумленія, какъ шведы уже захватили Познань, Калишъ, Косцянъ, Крушвицу, Быдгощъ и быстро двинулись къ Варшавѣ. Эта измѣна была причиною всѣхъ позднѣйшихъ бѣдствій, такъ какъ была дурнымъ примѣромъ, которымъ, увы, впоследствии неоднократно пользовались недостойные люди.

Янъ-Казиміръ, видя, что граждане, не проливъ ни капли крови, не оказавъ никакого сопротивленія, постыдно переходятъ въ ряды непріятеля, съ тоской и чувствомъ собственнаго безсилія отступилъ къ Кракову, но, къ сожалѣнію, и здѣсь не было защиты. Мужество Стефана Чарнецкаго и горсти его товарищей не могло спасти древней столицы, а потому несчастный король двинулся въ Спизжъ, а Краковъ съ мужествомъ отчаянія продолжалъ бороться съ врагомъ.

Единственный, хотя, впрочемъ, щедро оплачиваемый другъ Польши, ханъ татарскій, сегодня союзникъ короля, а завтра Хмѣльницкаго, видя разореніе края, а короля почти въ изгнаніи, выжидалъ въ своихъ степяхъ, раздумывая о томъ, чьей стороны ему держаться и съ кѣмъ воевать?.. Въ его глазахъ всѣ невѣрные были равны и только тотъ былъ на время лучше другихъ, кто платилъ.

Трудно себѣ представить, въ какомъ ужасномъ положеніи оказалась страна. Не было короля, не было защитниковъ, всюду

были враги, поддерживаемые предателями. Могучее наслѣдство Ягеллоновъ разрывалось на части и, казалось, спасенія ждать было не откуда.

Въ Вильнѣ распоряжался Хованскій, Краковъ былъ осажденъ шведскимъ генераломъ Виттембергомъ, въ Варшавѣ хозяйничалъ шведъ вмѣстѣ съ измѣнникомъ, въ провинціяхъ то и дѣло присягали на вѣрность Карлу-Густаву. Не было мужества, не было спасенія и, казалось, насталъ послѣдній часъ. Состояніе умовъ было таково, что почти исключало надежду на выходъ изъ этого ужаснаго положенія. Большинство точно обезумѣло и шло къ измѣнникамъ, къ врагамъ, и только меньшая часть вздыхала и ждала помощи... отъ татаръ. По рукамъ ходили какія-то письма, извѣщающія объ этихъ союзникахъ, а тѣмъ временемъ городъ за городомъ, замокъ за замкомъ сдавались торжествующему непріятелю.

Въ пограничныхъ областяхъ происходилъ бой или, вѣрнѣе, бойня, такъ какъ области были беззащитны. Украина была залита потоками крови; Каменецъ былъ осажденъ Хмѣльницкимъ; города русскихъ воеводствъ отдавали свои ключи казачьимъ гетманамъ; шляхта, скрывшись въ своихъ хуторахъ и окруживъ ихъ палисадами, съ тревогой ждала нападений; народъ толпами шелъ въ церкви, моля о спасеніи; гибель казалась неминуемой.

Между тѣмъ, шведы въ занятыхъ областяхъ Польши хозяйничали по своему. Они употребляли всѣ средства, чтобы привлечь на свою сторону какъ крупное, такъ и мелкое дворянство.

Пускались въ ходъ лесть, подкупъ и самыя соблазнительныя обѣщанія. Горсть болѣе вѣрныхъ и твердыхъ людей Карлъ-Густавъ хотѣлъ устроить эдиктомъ, предоставлявшимъ право даже самой темной невѣжественной массѣ выдавать живыми или мертвыми всѣхъ заподозрѣнныхъ въ непріязни къ нему лицъ. Къ счастью, это средство для разжиганія дурныхъ инстинктовъ толпы, болѣе возмутило, чѣмъ увлекло гражданъ. Соблазненные, большею частью, вскорѣ раскаялись и поспѣшили вернуться на болѣе чистый путь, на путь долга.

Были, впрочемъ, люди, что и въ великихъ бѣдствіяхъ не потеряли надежды на Бога, не утратили мужества и, терпѣ-

ливо вынося ниспосланныя свыше удары, со смиреніемъ ожидали прощенія и милости своего Всемогущаго Отца.

III.

Въ Ченстоховѣ отовсюду неслись страшныя вѣсти о шведахъ. Гонецъ за гонцомъ, посолъ за посломъ сообщали все болѣе и болѣе тревожныя новости. Каждый день ждали нападенія враговъ. Находившійся на вершинѣ колокольной монахъ-стражникъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ на горизонтѣ, за каждымъ дымкомъ въ полѣ, за каждой толпой всадниковъ, казавшейся ему рекогносцировочнымъ отрядомъ непріятелей. Исчезли многочисленные пилигриммы, такъ еще недавно навѣщавшіе эту святую обитель, и теперь здѣсь было пусто и глухо.

Никто далеко не выходилъ изъ дому, развѣ совершенно оставлялъ свое жилище и, забравъ имущество, отправлялся въ укрѣпленные города, или удалялся въ дремучія лѣса, или горы. Только сосѣдніе шляхтичи изрѣка навѣщали пріора и, хотя не спѣшили съ переѣздомъ, но уже предвидѣли, что раньше или позже придется искать убѣжища подъ покровомъ чудотворной иконы. Уже не одинъ изъ нихъ при каждомъ посѣщеніи монастыря отдавалъ тамъ на храненіе или деньги или какія-нибудь старинныя фамильныя драгоценности, доставшіяся ему отъ прадѣдовъ. Монахи принимали все это и отправляли въ свои кладовыя, хотя не были увѣрены въ собственной безопасности. Правда, ходили слухи, что Карлъ-Густавъ гарантировалъ монастырямъ и церквамъ полнѣйшую безопасность и общалъ охранять ихъ вѣру, но, тѣмъ не менѣе, Ченстоховъ, какъ укрѣпленный пунктъ, граничащій съ Силезіей и находящійся на самой дорогѣ въ Краковъ, при данныхъ обстоятельствахъ могъ имъ понадобиться. Болѣе набожныя надѣялись, что шведскій король, хотя иновѣрецъ, однако не рѣшится поднять руку на народную святыню, изъ опасенія оттолкнуть отъ себя католиковъ. Иные предполагали, и не безъ основанія, что непріятелей можетъ привлечь сюда, какъ молва о находящихся на Ясной-Горѣ сокровищахъ, такъ и необходимость укрѣпиться

въ этомъ пунктѣ. Но пока еще не было никакихъ указаній на то, что шведы намѣрены овладѣть Ченстоховомъ, у вратъ котораго и въ окрестностяхъ до сихъ поръ еще не видѣли ни одного изъ солдатъ короля Густава. Но въ этомъ спокойствіи было что-то страшное. Отголоски надвигающейся бури все яснѣе доносились къ благочестивымъ монахамъ, а порывы ночного осенняго вихря, каждый отдаленный гулъ, всякая суматоха у воротъ, казалось, извѣщали ихъ о приближеніи непріятелей.

Раннимъ утромъ перваго ноября 1655 г., когда пріоръ монастыря, Августинъ Кордецкій, спокойно сидѣлъ въ своей кельѣ и усердно молился, внезапно раздался, хотя тихій, но нетерпѣливый стукъ въ дверь. Разрѣшивъ войти, священникъ со вздохомъ отложилъ въ сторону молитвенникъ, какъ-бы сожалея, что его отвлекаютъ отъ лучшаго міра къ землѣ, и взглянулъ на образъ Распятаго, точно прося у Него помощи и совѣта.

Дверь раскрылась и въ келью вошелъ священникъ-монахъ Петръ Лассота съ нѣсколькими письмами. Поцѣловавъ, по старинному обычаю, настоятеля въ руку, онъ молча передалъ письма и, отступивъ нѣсколько назадъ, ждалъ распоряженій.

Пріоръ, взглянувъ на письма, не спѣшилъ вскрыть ихъ.

Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, съ лицомъ, выражавшимъ силу, твердый характеръ и свѣтлый умъ. Въ его чертахъ добродушіе и мягкость соединялись съ мужествомъ и выносливостью. Свѣтло-сѣрые глаза смѣло глядѣли на всякаго, ни передъ кѣмъ не опускаясь, не только не опасаясь ничьего пронизательнаго взора, но наоборотъ, проникая въ глубину души каждаго собесѣдника. Лобъ у него былъ широкій, изборозженный нѣсколькими поперечными морщинами, начертанными скорѣе годами и трудомъ, чѣмъ заботами. Во всемъ его существѣ было соединеніе силы и вмѣстѣ съ тѣмъ доброты, черта, отличающая великихъ мужей. Видно было, что, приказывая, онъ умѣлъ придать этому приказанію что-то пріятное и, въ случаѣ нужды, безапелляціонное, импонирующее. Въ этомъ сказывалось могущество непоколебимой воли, почти необъяснимое, но неотразимо дѣйствующее. Таковъ былъ священникъ Кордецкій въ заботахъ сѣрой, будничной жизни; но кто увидѣлъ-бы его въ церкви во время богослуженія, тотъ врядъ ли узналъ-бы его—до такой степени измѣнялось, подъ вліяніемъ

религіознаго экстаза, лицо Кордецкаго. Въ такія минуты это былъ совершенно иной человѣкъ. Въ общеніи съ окружающими у него въ странной гармоніи уживались суровость съ мягкостью, черты съ виду какъ-бы совершенно противоположныя другъ другу. Никто не умѣлъ такъ привлекать къ себѣ людей и никто такъ сильно не громилъ ихъ пороки.

Семнадцатый вѣкъ былъ у насъ вѣкомъ еще искренней и глубокой вѣры, но даже и тогда было мало людей, подобныхъ Кордецкому. Онъ не былъ ученымъ теологомъ и часто называлъ себя невѣждой, но каждый разъ, когда приходилось разрѣшать самый запутанный вопросъ, Кордецкій пользовался аргументами, хранящимися въ глубинѣ его чистой души, въ его горячемъ любвеобильномъ сердцѣ, а эта христіанская сокровищница была для него неисчерпаема. Свѣтлый умъ его былъ весь проникнутъ искренней и чистой любовью къ Богу и ему были чужды какіе бы то ни было софизмы.

Никогда никакая земная страсть не загоралась въ его душѣ и не запятнала ее своимъ нечистымъ дыханіемъ. Дитя трудолюбивыхъ бѣдныхъ родителей, онъ рано отрекся отъ мирской жизни, вовсе ея не жалѣя, и радостный направился въ тихую пристань съ надеждой на лучшее будущее, обрѣтающееся за вратами нашего кратковременнаго земного существованія.

Воспитывался онъ среди простого народа въ трудахъ и лишеніяхъ, и съ дѣтскихъ лѣтъ мечталъ о монастырѣ и посвященіи себя служенію Богу. Но не скоро ему удалось освободиться отъ земныхъ узъ и только въ тридцать лѣтъ онъ сталъ монахомъ. Среди членовъ той обители, куда онъ поступилъ, было не мало лицъ, происходившихъ изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ дворянскихъ родовъ, но сынъ простолюдина быстро опередилъ всѣхъ и вскорѣ сталъ главою монастыря. Сначала онъ былъ пріоромъ въ Опоровѣ, затѣмъ въ Пинчовѣ и наконецъ сталъ править Ясною-Горой, все болѣе и болѣе сіяя ореоломъ добродѣтелей и великихъ заслугъ.

Неутомимый въ трудахъ, Кордецкій былъ для младшихъ старшимъ братомъ, для провинившихся снисходительнымъ, много прощающимъ, но требующимъ исправленія отцомъ, для законнѣйшихъ суровымъ, но всегда милосерднымъ судьей.

Всегда и вездѣ онъ былъ настоящимъ христіанскимъ свя-

ценнослужителемъ того Бога, Который сіяетъ надъ міромъ вѣчнымъ свѣтомъ и любовью.

Но вернемся въ монастырскую келью.

Священникъ Лассота, отдавъ письма, ждалъ какихъ-либо распоряженій, а пріоръ, все еще не вскрывая ихъ, на мину-ту задумался, и затѣмъ, взглянувъ на монаха, медленно спросилъ:

— Что слышно новаго, отче?

— Да все одно и то-же.

— То-есть все плохо?

— Это Богу извѣстно, что худо, а что хорошо,—отвѣтилъ Лассота,—намъ только извѣстно, что страдаемъ.

— Совершенно справедливо, братъ! — воскликнулъ пріоръ. — Ты во-время остановилъ меня и напомнилъ, за что спасибо тебѣ.

— Я? — краснѣя, спросилъ священникъ Лассота, — могъ-ли я осмѣлиться...

— Да, — продолжалъ Кордецкій, — Богъ знаетъ, что намъ даетъ, а намъ надлежитъ принимать все съ благодарностью.

Говоря это, онъ вздохнулъ.

— Кто тебѣ передалъ письма?

— Одно изъ нихъ отъ посланнаго Радзіонтка, второе привезъ съ собою господинъ Варшицкій.

— Варшицкій пріѣхалъ?

— Сейчасъ прибылъ.

— Гдѣ-же онъ?

— Ему надо было переодѣться, а потому я проводилъ его въ одну изъ свободныхъ келій.

— Спасибо, спасибо тебѣ; передай, что я сейчасъ самъ къ нему приду.

Говоря это, Кордецкій быстро сталъ распечатывать и читать полученныя письма, а священникъ Лассота тихо вышелъ изъ кельи.

По выраженію лица пріора видно было, что полученныя извѣстія были не утѣшительны. Во время чтенія онъ нѣсколько разъ тяжело вздохнулъ, а окончивъ, сталъ на колѣни передъ образомъ и, сотворивъ краткую, но горячую молитву, поспѣшно вышелъ.

Содержаніе одного изъ писемъ особенно было печально и въ немъ Ченстохову предвѣщались тяжелыя испытанія. Шве-

ды, соблазняемые находившимися въ монастырѣ сокровищами, по слухамъ изъ разныхъ источниковъ, рѣшили двинуться на Ясную-Гору. Священникъ Броніовскій, узнавъ объ этомъ, отправился немедленно къ королю съ просьбою о помощи. Но что могъ сдѣлать въ то время Янъ-Казиміръ?

— Дѣлайте все, что возможно для защиты, — сказалъ король, — а въ случаѣ опасности, я постараюсь вамъ помочь, чѣмъ буду въ состояніи...

Вотъ объ этомъ отвѣтъ сообщалъ Броніовскій пріору.

Прибывшій въ монастырь Варшицкій былъ двоюроднымъ братомъ краковскаго каштеляна, человекъ уже не молодой, не очень богатый, вышедшій изъ мелкой шляхты; онъ слишкомъ высоко цѣнилъ свое новое положеніе и болѣе всего боялся, какъ-бы двоюродный братъ своимъ, по его мнѣнію, упрямствомъ не погубилъ себя и родныхъ, оставаясь вѣрнымъ Яну-Казиміру.

Онъ желалъ только мира и спокойствія, хотя бы даже подъ владычествомъ Густава, лишь бы только ему позволили вернуться къ мирной сельской жизни, къ своему хозяйству, къ своимъ стадамъ, такъ какъ по своимъ вкусамъ и привычкамъ это былъ въ полномъ смыслѣ слова сельскій хозяинъ. Кромѣ того, онъ усердно занимался коневодствомъ, пчеловодствомъ, разведеніемъ въ своихъ прудахъ рыбъ и постройкой мельницъ. Война причиняла ему большія огорченія, отрывая отъ обычныхъ занятій, разгоняя крестьянъ. Затѣмъ, не только шведы, но и польскіе солдаты слишкомъ часто хозяйничали въ его амбарахъ, безъ всякаго позволенія брали скотъ и донимали всякими поборами.

Пріоръ засталъ Варшицкаго въ то время, когда этотъ лысый, круглый, съ свѣтлорусыми усами, человекъ кончалъ свой туалетъ.

— Ахъ, извините пожалуйста! — началъ, было, тотъ.

— Ничего, ничего, я хозяинъ, мнѣ можно войти, — ласково успокоилъ его Кордецкій.

— Простите, ваше высокопреподобіе, что застаю меня въ такомъ видѣ.

Говоря это, Варшицкій поспѣшилъ придвинуть пріору кресло и отпустилъ слугу. Но едва началась бесѣда, какъ на по-

рогѣ кельи появилось новое лицо. Это былъ высокій, статный мужчина съ красивыми черными усами, въ накинутомъ на плечи плащѣ. Открывъ дверь, онъ съ поклономъ спросилъ:

— Можно?...

— Ахъ, это вы! Пожалуйста, пожалуйста,—воскликнулъ Кордецкій, подходя къ гостю.

Прибывшій былъ нѣкто Жегоцкій, добрый пріятель пріора и всѣхъ монаховъ, да, кромѣ того, близкій содѣдь.

Сбросивъ плащъ, онъ поздоровался сначала съ Кордецкимъ, а затѣмъ съ Варшицкимъ.

Пріятно было посмотрѣть на новаго гостя, до такой степени симпатичное и свѣтлое было выраженіе его мужественнаго лица.

Каково было лицо, такова была и душа.

Подъ небомъ, кажется, не было человѣка счастливѣе его. Никакое несчастье не могло смутить его благородной души, никакой ударъ не поколебалъ его вѣры ни на одну минуту. И даже въ настоящее время, когда всю страну терзали враги, когда онъ потерялъ, благодаря войнѣ, значительную часть своего состоянія, на лицѣ его не было и тѣни тревоги или угнетенія.

Кордецкій, обнявъ прибывшаго и указывая на него Варшицкому, сказалъ:

— Взгляните на него и на насъ и вы тотчасъ узнаете, въ комъ сильнѣе вѣра.

— Ахъ, что вы, дорогой отче,—скромно прервалъ его Жегоцкій.

— Ничего, ничего, дай Богъ намъ всѣмъ обладать такимъ спокойствіемъ и вѣрой. Но, но... что-же тамъ слышно?

— Захотѣли новаго, еще рано. Мы все поемъ старую пѣсню. Впрочемъ, надо надѣяться, что настанетъ лучшая пора, хотя бы уже потому, что съ каждымъ днемъ намъ хуже и хуже, а зло вѣчно продолжаться не можетъ. Да, кстати,—добавилъ Жегоцкій, — къ вамъ гости и навѣрно съ интересными новостями.

— Кто именно?—спросилъ пріоръ.

— Ваши сосѣди: Севастьянъ Богданскій и Стефанъ Яцковскій. Я видѣлъ, какъ они подъѣзжали къ воротамъ монастыря.

— Вотъ братъ Краковскаго каштеляна, — прервалъ Кордецкий, обращаясь къ другому собесѣднику, — сообщить намъ вѣрнѣйшія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ.

Варшицкій на минуту опустилъ глаза и тихо произнесъ:

— Король уже въ Спизѣ.

— Но я надѣюсь, — замѣтилъ пріоръ, — что онъ тамъ пробыдетъ не долго и наконецъ придумаешь средства къ спасенію родины.

— Что тутъ думать! тутъ нечего думать! — подхватилъ, пожавъ плечами, Варшицкій, — несчастье, окончательный погромъ и гибель! Шведы овладѣли чуть-ли не всей Польшей, а въ Малороссіи возстаніе казаковъ.

— Но вы забываете Бранденбуржца и татаръ, — воскликнулъ никогда не терявшій надежды, Жегоцкий, — наконецъ наши, собственные силы, которыхъ мы еще не пробовали.

Варшицкій снова пожалъ плечами.

— Татаринъ въ далекихъ степяхъ, Бранденбуржецъ о себѣ думаетъ, а наши силы... гдѣ онѣ?

— Это какимъ образомъ? Да вѣдь первый — нашъ союзникъ, а второй — вассаль.

— Признаюсь, — замѣтилъ Кордецкий, — что по мнѣ татаринъ-другъ хуже врага. Но, конечно, дѣлать нечего, и придется, быть можетъ, клинъ клиномъ выбивать. Обстоятельства могутъ сложиться такъ, что, *volens-nolens*, надо будетъ воспользоваться помощью басурманъ. Да, кстати, что слышно о ханѣ?

— По слухамъ, ханъ, какъ увидѣлъ, что Польшей править Густавъ, такъ тотчасъ ушелъ въ свои степи, объявивъ, что онъ былъ союзникомъ Яна Казимира, а такъ какъ теперь поляки избрали новаго короля, то ему приходится ждать, пока съ нимъ заключать новый договоръ.

— Небольшая потеря, — прошепталъ пріоръ, — баба съ возу — коню легче.

— Между тѣмъ, — продолжалъ Варшицкій, — почти всѣ переходятъ къ непріятелю и присягаютъ на вѣрность Карлу-Густаву. Воевода Тышкевичъ въ Ухачѣ перешелъ на сторону царя, въ Варшавѣ верховодитъ измѣнникъ Родзеіовскій, а Краковъ сильно осажденъ, и скоро некому будетъ его защищать.

— Что вы говорите? — прервалъ Жегоцкий. — До этого ни-

когда не дойдетъ. У насъ вѣдь еще гетманы, Чернецкій, войско, шляхта, да, въ случаѣ нужды, поголовное ополченіе.

Пріоръ съ виду равнодушно, но тѣмъ не менѣе вниматель-но, слушалъ, изрѣдка вставляя кое-какія замѣчанія.

Но вотъ снова открылись двери и въ келью вошли новыя лица: Севастьянъ Богданскій, Стефанъ Яцковскій и нѣсколько другихъ шляхтичей, пріѣхавшихъ помолиться и посовѣтоваться съ настоятелемъ. Первый изъ нихъ, сѣдой уже и сгорбленный, шелъ, опираясь на палку, и здоровался со всѣми со слишкомъ преувеличенной любезностью. Вошедшій за нимъ Яцковскій, здоровенный плечистый мужчина, представлялъ яркій типъ шляхтича того времени, горячаго, буйнаго, готоваго при всякомъ удобномъ случаѣ пустить въ ходъ свою саблю.

Послѣ привѣтствій и представленій, обильно усващенныхъ комплиментами, всѣ сѣли и вскорѣ начался разговоръ о политикѣ.

Павелъ Варшицкій, по настоянію шляхты, повторилъ то, что говорилъ ранѣе, и всѣ, поглядывая другъ на друга, замолчали, какъ бы ожидая, кто первый выскажетъ свое мнѣніе относительно настоящаго положенія дѣлъ.

Пріоръ тоже молчалъ.

— Здѣсь между нами не должно быть секретовъ,— черезъ минуту замѣтилъ Варшицкій,—я скажу вамъ, господа, что, по мнѣнію всѣхъ свѣдущихъ въ политикѣ, дѣло Карла-Густава несомнѣнно будетъ выиграно раньше или позже, въ особенности съ того момента, когда будетъ взятъ Краковъ, а этого можно ожидать съ минуты на минуту, такъ какъ браковскій каштелянъ съ горстью защитниковъ не въ состояніи выдержать осады. Однимъ словомъ, придется подчиниться силѣ обстоятельствъ и попасть подъ власть шведа.

— Ну, это еще вилами на водѣ писано,—возразилъ Же-гоцкій.—Кого Богъ накажетъ, того и утѣшитъ.

Богданскій молча вздыхалъ на всякій случай, а Яцковскій замѣтилъ:

— А если бы даже мы присягнули на вѣрность Густаву, ну, такъ что же? Не мы первые и не мы послѣдніе ..

При этихъ словахъ лицо пріора загорѣлось, а глаза сверкнули молніей. Онъ поднялся съ кресла грозный, вдохновенный, съ минутой молчалъ, и, наконецъ, загремѣлъ на всю залу:

— Вы говорите, что вся страна подчинится врагамъ,— воскликнулъ Кордецкій,—и признаетъ власть чужеземца? Нѣтъ, никогда! Богъ этого не допуститъ и спасетъ насъ. Да и не вся страна отречется отъ своего короля, ибо первый Ченстоховъ останется вѣрнымъ Яну-Казимиру.

— Какъ такъ?—съ изумленіемъ спросилъ Варшицкій.— Неужели, въ случаѣ нападенія шведовъ, что весьма возможно, неужели, повторяю, вы будете защищаться?

— Будемъ!—спокойно отвѣчалъ пріоръ,—да, съ помощью Бога, будемъ защищаться и защитимся.

— Противъ шведской арміи, великолѣпно вооруженной и предводительствуемой старыми опытными генералами?—скептически замѣтилъ Яцковскій.

— Самый лучший воинъ—Богъ,—отвѣчалъ пріоръ, понижая голосъ,—а съ Нимъ мы не устрахимся могущества Густава. Да, если Богъ продлитъ мнѣ дни, то ни святого образа, ни освященной его присутствіемъ Ясной-Горы я не отдамъ въ руки враговъ и скорѣе погибну подъ ея развалинами...

Варшицкій съ какимъ-то страхомъ слушалъ, не вѣря своимъ ушамъ.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ вы думаете?..

— Думаю и сдѣлаю, съ помощью Всевышняго. Подъ защитой нашей Пречистой Богоматери мы не отдадимъ Ченстохова шведамъ! Нѣтъ!

— Видите-ли, мой братъ каштелянъ.... началъ было Варшицкій, но почему-то замаялся и замолчалъ.

— Говорите, говорите,—подхватилъ, взявъ его за руку, пріоръ,—здѣсь все свои.

— Въ такомъ случаѣ, скажу откровенно вашему высокопреподобію все, что поручилъ мнѣ передать вамъ мой братъ. Теперь уже не подлежитъ никакому сомнѣнію, что отряды генерала Миллера и Вейгарда готовятся къ наступленію на Ченстоховъ.

Присутствующіе поблѣднѣли, но Кордецкій слушалъ съ такимъ видомъ, точно онъ раньше объ этомъ зналъ.

— Кажется, уже нѣсколько разъ,—продолжалъ Варшицкій,—они собирались отправиться на Ясную-Гору, но почему-то у

нихъ не ладилась намѣченная экспедиція. Теперь же они придутъ несомнѣнно и съ значительномъ отрядомъ, а потому, по мнѣнію моего брата, необходимо спасти все, что возможно, и отправить въ Силезію, но прежде всего, конечно, чудотворную икону—святыню нашей страны.

— Мудрѣйшій совѣтъ, святыя слова,—шепталъ Богданскій,—сейчасъ видно политика!

— И я такъ думаю,—добавилъ Яцковскій.

— А вы что скажете?—съ странной улыбкой спросилъ пріоръ, обращаясь къ Жегоцкому.

— Я жду, что вы скажете и заранѣе соглашаюсь.

— Я скажу вамъ, господа, что согласенъ отправить драгоценности въ болѣе безопасное мѣсто, но тѣмъ не менѣе защищаться, хотя-бы на насъ обрушилась вся шведская армія.

— Отче,—съ улыбкой прервалъ его Варшицкій,—васъ увлекаетъ энтузіазмъ, но вы не воинъ и не имѣете людей...

— Но я нахожусь подъ защитой Пресвятой Дѣвы и силенъ вѣрою.

Варшицкій склонилъ голову.

— И даже рѣшаетесь подвергать чудотворный образъ неминуемой опасности?

— Что касается образа, то это другой вопросъ,—возразилъ Кордецкий.—Мы еще подумаемъ, посоветуемся и сдѣлаемъ такъ, какъ насъ Богъ вдохновитъ; относительно же Ченстохова, этого освященнаго мѣста, то я его не отдамъ и буду защищать до послѣдней капли крови.

— Съ кѣмъ?—иронически спросилъ Варшицкій, пожимая плечами.

— Да хотя бы съ моими семидесятью монахами,—рѣшительно добавилъ Кордецкий.

— Семьдесятъ человѣкъ противъ многихъ тысячъ шведовъ!...

— Мы будемъ тѣмъ камнемъ изъ пращи, которымъ, по волѣ Всемогущаго, Давидъ поразилъ Голіаѳа.

— Все это прекрасныя и краснорѣчивыя фразы, но и только,—прервалъ Варшицкій.—Ваши желанія не выполнимы.

— Простите, господинъ Варшицкій, но я остаюсь при своемъ. Слова мои вовсе не брошенная на вѣтеръ угроза; я долго обдумывалъ, прежде чѣмъ пришелъ къ этому рѣшенію,

и смѣю васъ увѣрить, что исполню то, что исполнить обязанъ.

Всѣ были изумлены, а Варшицкій начиналъ уже волноваться.

— Ваше высокопреподобіе, — сказалъ онъ съ нѣкоторой досадой, — вы, быть можетъ, слишкомъ долго созерцаете небо и слишкомъ мало имѣете времени для того, чтобы взглянуть на землю, но мы, люди опыта...

— Нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ, нисколько, — подхватилъ Кордецкій, — но, хотя грѣшнымъ взоромъ я и гляжу на небо, однако милосердный Богъ иногда вдохновляетъ своего недостойнаго слугу. Мой внутренній голосъ ясно приказываетъ мнѣ: «возстань, борись и побѣдишь». А это мое знамя, — закончилъ онъ, указывая на висѣвшій на стѣнѣ образъ Пречистой Дѣвы — *in hoc signo vinces*.

Въ ту минуту, когда онъ произносилъ эти слова, въ выраженіи его лица было столько силы, что въ сердцахъ всѣхъ присутствующихъ зародилась надежда и вспыхнуло угасшее было мужество.

Одинъ лишь себялюбивый Варшицкій, слишкомъ ужъ внимательно смотрѣвшій на землю, не постигъ своимъ сердцемъ героическаго энтузіазма священника. Старый Богданскій въ эту минуту даже помолодѣлъ; въ глазахъ его блеснули слезы, онъ молча подошелъ къ Кордецкому и съ волненіемъ поцѣловалъ его дрожащую руку.

— Да, — заключилъ пріоръ, наблюдая перемѣну въ настроеніи духа присутствующихъ, — могу-ли я отдать въ руки враговъ и иновѣрцевъ мѣсто, облитое столькими слезами, прославленное столькими чудесами, гдѣ Богъ излилъ столько милостей на нашъ народъ, гдѣ наши монархи неоднократно искали помощи, гдѣ отъ колыбели до могилы мы привыкли возносить наши мольбы во всѣхъ пуждахъ и горестяхъ? Нѣтъ и еще разъ нѣтъ! Мы стоимъ здѣсь на стражѣ народной святыни, и, что-бы ни случилось, должны остаться на своемъ посту. Довольно ужъ того несчастья, что святое изображеніе пронзено стрѣлами татаръ и изрублено саблями гусситовъ. Мы не допустимъ шведовъ издѣваться надъ нимъ, пока въ нашихъ жилахъ будетъ струиться кровь.

— Все это прекрасно, краснорѣчиво и благородно, — воз-

разилъ своимъ тихимъ монотоннымъ голосомъ Варшицкій, — и для Бога конечно нѣтъ ничего невозможнаго, но не знаю, отче, заслужили-ли мы, чтобы Богъ для насъ совершилъ столь великое чудо?

— О! что мы не заслужили, такъ это вѣрно, — воскликнулъ пріоръ, — велики и страшны наши грѣхи, но вѣдь и кара страшна, а Богъ великъ и милостивъ, и, наказавъ насъ, быть можетъ, умиласердится надъ своими дѣтьми.

— Честоховъ можетъ быть спасенъ развѣ только чудомъ, такъ какъ, отбивъ нападеніе одного отряда, вамъ не удастся отразить штурмъ цѣлаго войска, и въ концѣ концовъ сдача неминуема.

— Быть можетъ, намъ придется погибнуть, но насъ это не страшитъ, — отвѣтилъ пріоръ, — напротивъ, мы горячо желаемъ пролить нашу кровь за родину и святую вѣру, и что мы умремъ, а не сдадимся, такъ это вѣрно.

— Странное убѣжденіе, — какъ-бы про себя замѣтилъ Варшицкій.

— Вы хотѣли сказать: упрямство, — съ улыбкой добавилъ Кордецкій, — я представляю вамъ право назвать мое рѣшеніе даже такъ. Впрочемъ, называйте, какъ хотите, и думайте, что вамъ угодно, но повторяю опять, Честоховъ добровольно не откроетъ воротъ своимъ непріятелю.

Всѣ присутствующіе съ уваженіемъ глядѣли на мужественнаго священника. Его разгорѣвшееся отъ волненія лицо выражало героическую рѣшимость и отвагу. Обаяніе возвышенной души Кордецкаго не дѣйствовало на одного только Варшицкаго.

— Все это очень хорошо, — сказалъ онъ съ видимымъ раздраженіемъ, — если бы нашествіе шведовъ можно было-бы считать лишь временнымъ, но...

— Я въ этомъ убѣжденъ, — воскликнулъ настоятель.

— Какъ-такъ? Король изгнанъ, войско разсѣяно, одна столица взята, другая, быть можетъ, въ эту минуту сдалась, шляхта съ частью магнатовъ перешла на сторону шведовъ, Литва въ рукахъ царя...

— Богъ намъ поможетъ, — спокойно отвѣтилъ Кордецкій. — Локтикъ тоже блуждалъ по всей странѣ, скрываясь въ пеще-

рахъ, былъ, какъ Янъ-Казиміръ, изгнанникомъ, однако, впоследствии вернулся и счастливо царствовалъ, и нашему богобоязненному Яну не пожалѣтъ своей милости.

Варшицкій пожалъ только плечами, и, отказываясь отъ дальнѣйшаго спора, проговорилъ:

— Пусть будетъ такъ. А теперь благоволите сказать, что мнѣ передать брату, какъ и съ кѣмъ вы намѣрены защищаться?

Пріодъ на минуту задумался.

— У насъ здѣсь семьдесятъ монаховъ и послушниковъ, да, кромѣ того, нѣсколько десятковъ шляхтичей выразили желаніе прійти къ намъ на помощь, въ случаѣ осады; постоянный нашъ гарнизонъ состоитъ изъ пятидесяти человѣкъ, вдвое столько наберется добровольцевъ изъ деревень, принадлежащихъ монастырю, и мѣстечка; пушки у насъ хорошія, пороху и пуль достаточно, продовольствія тоже, воду намъ дадутъ колодцы, а остальное дастъ Богъ.

— Но, въ случаѣ нападенія шведовъ, кто будетъ начальствовать надъ гарнизономъ и руководить?

— Прежде всего—Богъ, потомъ наша Заступница и наконецъ Святой Павелъ,— спокойно отвѣчалъ пріоръ.

При этихъ словахъ легкая, еле замѣтная улыбка скользнула по губамъ Варшицкаго.

— Затѣмъ,—продолжалъ Кордецкій,— здѣсь будутъ Стефанъ Замойскій, вмѣстѣ со всей семьей, и Петръ Чарнецкій, родной братъ кіевскаго каштеляна. Кромѣ того, я жду Сигизмунда Мошинскаго, Яна Скожевскаго, Николая Кшиштопорскаго и еще нѣкоторыхъ добрыхъ воиновъ; никто здѣсь, разумѣется, сложа руки сидѣть не будетъ.

— Но шведы могутъ явиться каждую минуту!—замѣтилъ Варшицкій.

— Совершенно справедливо, шведы могутъ явиться съ минуты на минуту,—тихо повторилъ Богданскій.

— Но я почти готовъ,—сказалъ пріоръ.

— Какъ такъ? Развѣ вы этого ожидали?

— Отчасти... теперь я жду вождей и собираю солдатъ. Надо приготовиться встрѣтить врага во всеоружіи.

— Непонятно! странно!—воскликнулъ Варшицкій, вглядываясь въ настоятеля.—Я слушаю васъ и ушамъ своимъ не

вѣрю. Но такъ какъ отклонять васъ отъ принятаго рѣшенія было-бы напрасно...

— Совершенно напрасно, — съ достоинствомъ прервалъ его Кордецкій.

— Въ такомъ случаѣ, да будетъ воля Божія!

— Да будетъ воля Божья, — со вздохомъ, какъ эхо, повторилъ Богданскій.

— А я, отче, — съ добродушной улыбкой воскликнулъ Жегоцкій, — прибываю къ вамъ съ парой крѣпкихъ рукъ и предлагаю свои услуги. Надѣюсь, что даромъ монастырскаго хлѣба ѣсть не буду.

— Сердечно радъ и благодарю. Богъ васъ за это вознаградить.

— Ну, а мы, сосѣдъ, — прошепталъ старый Богданскій Яцковичу, — сейчасъ же, послѣ службы, отправимся домой. Какъ вы полагаете?

— Одобряю, вполне одобряю. Нечего намъ тутъ засиживаться и ждать, пока насъ шведъ захватитъ и, чего добраго, подъ барабанъ плясать заставитъ.

— Справедливо изволите говорить, дома не въ примѣръ безопаснѣе!

IV.

Третьяго ноября всѣ монахи внезапно были приглашены собраться въ одну изъ залъ монастыря, называемую *definitorium*. Никто изъ братьевъ не зналъ цѣли этого приглашенія, но всѣ безпрекословно поспѣшили въ указанную залу и въ молчаніи заняли свои мѣста.

На столѣ, передъ приготовленнымъ для настоятеля кресломъ, стояло нѣсколько свѣчей, на стѣнѣ висѣлъ огромный деревянный крестъ, а у подножія его бѣлѣлъ человѣческій черепъ и двѣ, сложенные крестомъ, кости. Тутъ же, въ золоченой рамѣ, помѣщался образъ Святой Покровительницы монастыря. По правой и лѣвой сторонамъ, въ полумракѣ слабо освѣщенной залы, въ темныхъ деревянныхъ рамахъ висѣли изображенія святыхъ, королей, гетмановъ и монаховъ. Глубокая тишина царила въ залѣ, лишь изрѣдка нарушаемая глубокимъ

вздохомъ неподвижно, какъ изваянія, сидѣвшихъ въ ожиданіи пріора братьевъ. Наконецъ двери раскрылись и вошелъ Кордецкій. Склонившись передъ крестомъ, онъ началъ общую молитву къ Святому Духу.

Черезъ нѣсколько минутъ окончавъ молитву, пріоръ занялъ свое мѣсто и обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

— Дорогіе братья, я призвалъ васъ на совѣтъ, такъ какъ при настоящемъ положеніи дѣлъ въ краѣ я не могу брать на себя отвѣтственности при рѣшеніи вопроса, касающагося нашей обители. Не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что шведы, наводнившіе всю Польшу, собираются напасть и на Ясногорскій монастырь. Я не спрашиваю васъ, любезные братья, о томъ, будемъ-ли защищать эту довѣренную намъ и существующую около трехъ вѣковъ обитель, ибо это наша обязанность, но мнѣ желательно было-бы узнать ваше мнѣніе относительно того, оставить-ли святой образъ здѣсь, или отослать въ совершенно безопасное мѣсто. Защищаться мы должны и будемъ до послѣдней капли крови. Мы обязаны пролить ее здѣсь за наше дорогое отечество и вѣру. Но кто знаетъ? быть можетъ, Богъ не благословитъ насъ въ нашихъ усиліяхъ, быть можетъ, врагъ насъ одолѣетъ и мы погибнемъ. И вотъ, допуская все это, можемъ-ли мы и имѣемъ-ли право подвергать столь великой опасности нашъ образъ? Посовѣтуемся же, братья, во имя Божье. Начните вы, отецъ Игнатій.

Отецъ Игнатій Мелецкій, бодрый еще старикъ, почти гигантскаго тѣлосложенія, съ нѣкоторымъ смущеніемъ окинулъ взоромъ окружающихъ, какъ бы извиняясь передъ ними въ томъ, что первый высказываетъ мнѣніе, и началъ такъ:

— Боротся противъ еретиковъ необходимо, а умереть, защищая это святое мѣсто, какъ подобаетъ стражѣ, которую вождь поставилъ на важномъ пунктѣ, для насъ будетъ славой. Мы выдержимъ борьбу, ибо насъ Богъ не оставитъ, а Пресвятая Дѣва охранитъ насъ своимъ покровомъ. Навѣрно здѣсь не найдется человѣка, который бы посовѣтовалъ позорно подчиниться врагу. Правда, весь край въ тревогѣ, но кому же, если не намъ, подать примѣръ твердости и вѣрности присягѣ? Что же касается святого образа, то, по мнѣ, надлежало бы

скрыть его вмѣстѣ съ церковными сосудами, прежде, чѣмъ явится врагъ. Сами же останемся вѣрными стражами монастыря и не устрасимся смерти.

Противъ мнѣнія священника Мелецкаго высказался отецъ Янъ, предлагая, чтобы, въ случаѣ осады, образъ оставить въ монастырѣ, для подъема духа защитниковъ, утверждая, что священники и ратные люди будутъ съ большой отвагой сражаться, видя возлѣ себя свою Заступницу.

На это отецъ Игнатій отвѣчалъ, что то и другое можно совмѣстить, скрывъ образъ и вставивъ на его мѣсто точнѣйшую его копію, о чемъ, конечно, могутъ знать только монахи.

Къ этому мнѣнію присоединился проповѣдникъ, священникъ Страдомскій, добавивъ, что мѣсто, куда будетъ унесенъ образъ, кромѣ пріора, могутъ знать только два монаха, которые обязаны дать клятву, что никому не выдадутъ этой тайны.

Три или четыре монаха согласились съ высказанными мнѣніями, обусловивъ очень незначительными измѣненіями. Очередь пришла отцу Петру Лассотѣ. Онъ долго въ смущеніи молчалъ, какъ бы боясь того, о чемъ думалъ, но понуждаемый пріоромъ, съ робостью заговорилъ:

— Простите, отцы, что я не раздѣляю вашего мнѣнія. Съ вами вмѣстѣ, разъ такова воля старшихъ, я охотно готовъ сражаться и погибнуть, съ радостью принесу въ жертву свою жалкую жизнь, но думаю, что не монашеское это дѣло сражаться и проливать кровь. Намъ въ удѣлъ досталась молитва, размышленіе, бесѣда съ Богомъ и покаяніе; руки монаха не должны касаться меча, ему не приличествуютъ доспѣхи, а, проливая кровь, онъ вдвойнѣ грѣшитъ, ибо считается посланникомъ Бога, который приказалъ намъ прощать врагамъ. И не въ нашихъ силахъ защитить Ясногорскую твердыню отъ сильнаго и опытнаго непріятеля. Мы будемъ виновны въ пролитой крови, и что тогда, если принесенная жертва окажется бесполезной и только разъяритъ врага? А потому, лучше возьмемъ нашу святыню и съ крестомъ въ рукахъ выйдемъ отсюда, оставивъ сокровища людямъ, которые придаютъ имъ цѣну, а сами скроемся въ Глоговѣ, или въ какомъ-нибудь иномъ монастырѣ.

Кордецкій, выслушавъ рѣчь Петра и замѣтивъ произве-

денное ею на нѣкоторыхъ изъ монаховъ впечатлѣніе, съ твердостью заговорилъ:

— Съ вашимъ мнѣніемъ, о. Петръ, я согласиться не могу. Монахъ, въ случаѣ необходимости, обязанъ бороться и защищать святыню, а не поддаваться врагу своей вѣры. Доказательствомъ намъ могутъ служить въ этомъ отношеніи святыя основатели рыцарскихъ орденовъ, которые ore, corde, ense (словомъ, сердцемъ, мечомъ) трудились для спасенія себя и народовъ, да, кромѣ того, не мало примѣровъ найдется какъ въ Священномъ Писаніи, такъ и въ дѣяніяхъ мужей, благословенныхъ небомъ. Какъ граждане нашего отечества, мы всѣ присягали въ вѣрности королю Яну-Казимиру, а потому намъ нельзя легкомысленно относиться къ клятвѣ и нарушать ее. Въ то время, когда на насъ обращены взоры всей страны, можемъ-ли мы оставить это святое мѣсто и отдать его на посмѣяніе фанатикамъ? Какъ образъ, такъ и освященная имъ Ясная Гора, должны быть одинаково намъ дороги. Здѣсь стоять, здѣсь бороться и здѣсь, если на то будетъ воля Божья, умереть.

Отецъ Петръ склонилъ голову и ничего уже не отвѣтилъ, а остальные монахи въ большинствѣ высказались въ пользу мнѣнія пріора. Только нѣкоторые, указывая на недостатокъ въ средствахъ обороны, совѣтовали предварительно войти въ переговоры съ Густавомъ, заранѣе отправить пословъ къ Виттембергу, Горну, Вейгарду, и такимъ образомъ выиграть время.

Когда были собраны голоса, то оказалось, что значительное большинство высказалось въ томъ смыслѣ, что необходимо безотлагательно отослать образъ въ безопаснѣйшее мѣсто, а самимъ остаться на Ясной Горѣ и защищать ее до послѣдняго издыханія.

Пріоръ, очень довольный принятымъ рѣшеніемъ, обратился еще къ инокамъ съ рѣчью, желая укрѣпить духъ въ сердцахъ болѣе робкихъ братьевъ.

— Вѣры, братья, побольше вѣры, и мы побѣдимъ. Самсонъ ослиной челюстью разбѣялъ филистимлянъ, маленькій Давидъ поразилъ гиганта Голиафа, ибо съ ними былъ Богъ; не всегда беретъ верхъ сила: побѣдителемъ бываетъ тотъ, кого одаритъ своей милостью Всемогущій. Мы имѣемъ на небесахъ

великихъ заступниковъ, а хотя и грѣшны, но, если покаемся и вознесемъ горячую молитву, то милосердый Отецъ сжалятся надъ нами и пошлетъ помощь. Вѣрьте только и надѣйтесь. Да, наконецъ, почему этотъ столь прочно укрѣпленный монастырь, обильно снабженный оружіемъ и припасами, не можетъ противустоять даже большому войску? Въ нашей исторіи и даже въ наше время мы видѣли примѣры, какъ замки и города отражали нападеніе въ десять разъ сильнѣйшаго противника. Иное дѣло нападать, иное обороняться. Если мы сами не воители, найдутся болѣе опытные въ ратномъ дѣлѣ люди, которые не откажутъ намъ въ добромъ совѣтѣ и руководительствѣ, да къ тому еще можетъ явиться подкрѣпленіе.

Въ эту минуту, когда Кордецкій произносилъ послѣднія слова, двери раскрылись и въ залу поспѣшно вошелъ монахъ Рудницкій.

Приблизившись къ настоятелю, онъ подалъ ему письмо и сказалъ:

— Сторожъ, стоящій у воротъ, принесъ это письмо, и какъ говоритъ, очень спѣшное; онъ получилъ его отъ нищей Констанціи, переданное какимъ-то всадникомъ, который велѣлъ ей немедленно отнести письмо къ пріору монастыря.

Кордецкій, вскрывъ запечатанный конвертъ, прочиталъ письмо и медленно проговорилъ:

— Вотъ новое подтвержденіе извѣстій о приближеніи и намѣреніяхъ шведовъ.

И онъ началъ читать письмо, написанное на латинскомъ языкѣ.

«Почтенные отцы!»

«Теперь уже достовѣрно извѣстно, что въ непріятельскомъ станѣ состоялось рѣшеніе немедленно двинутся на Ясную Гору, и не далѣе, какъ черезъ пять или шесть дней, послѣ полученія этого письма, шведы будутъ подъ стѣнами вашей обители. Назначенный главою отряда графъ Вейгардъ Вжещевичъ, хотя и католикъ и нѣкогда благодѣтель вашего монастыря, теперь сторонникъ шведовъ. Быть можетъ, на первыхъ порахъ онъ и не приметъ особенно рѣшительныхъ мѣръ, но если ему не удастся занять вашъ монастырь собственными силами, то къ нему будетъ послано подкрѣпленіе. Не теряйте надежды

Время теперь не благоприятное для войны. Сдѣлайте все, что возможно для защиты, а остальное предоставьте Богу».

Подписи на письмѣ не было, а стояли только три крестика. Во время чтенія письма монахи были совершенно спокойны, и когда оно было окончено, отецъ Игнатій сказалъ:

— Если графъ Вейгардъ назначенъ во главѣ отряда, то намъ нечего опасаться. Это другъ ордена, почитатель нашего святого образа и имя его не одинъ разъ записано въ книгѣ жертвователей, а потому нельзя допустить, чтобы онъ пожелалъ ограбить то, что обогащало, и осквернить то, что почиталъ.

— Это одному Богу извѣстно,—замѣтилъ пріоръ,—а осторожность не повредить. Еще сегодня мы помолимся передъ образомъ, а завтра его уже не будетъ въ Ченстоховѣ. Вечеромъ я назначу охрану, и въ сопровожденіи ея увезу образъ въ безопасное мѣсто. Къ утру соберутся люди изъ окрестныхъ монастырскихъ деревень.

Этимъ закончился совѣтъ.

На другой день пріоръ увезъ образъ, и вмѣстѣ съ нимъ была поставлена одна изъ великолѣпныхъ копій, которыхъ въ монастырѣ всегда имѣлось нѣсколько экземпляровъ. Нѣкоторые драгоценности были спрятаны въ бочки и ночью опущены на дно пруда.

V.

Вокругъ монастыря происходило большое движеніе. Окрестности, казалось, оживали, но это была уже не прежняя свободная жизнь. Наступили иные времена. Теперь у всѣхъ, ѣхавшихъ въ монастырь, были сумрачныя лица и озабоченный безпокойный взглядъ.

Люди спѣшили, оглядывались, и, встрѣчаясь, вмѣсто веселаго привѣтствія, обмѣнивались молчаливыми поклонами.

Изъ мѣстечка съ рѣзкимъ скриномъ тянулись наполненные припасами возы, изъ сосѣднихъ мѣстностей везли хлѣбъ, оружіе, ядра, а изъ окрестныхъ деревень собирались ратные люди. На осыпавшихся пушки, крѣпостные припасы, ядра, камни и тяжелыя бревна. Монахи закрывали ненужныя отверстія, приготавливали известъ и чинили стѣны.

Съ высокой, недавно послѣ пожара отстроеной, колокольни время отъ времени раздавался звукъ трубы находящагося тамъ часового. Во дворѣ тоже происходила суета. Тамъ одни принимали привезенные припасы и складывали ихъ въ заготовленные уже ранѣе мѣста. Другіе изъ складовъ вынимали оружіе и разное другое воинское снаряженіе.

Странно было видѣть этихъ монаховъ съ любопытствомъ, но неумѣло обращающихся съ тяжелыми желѣзными латами, кольчугами, почернѣвшими отъ ржавчины стальными шлемами, бердышами, считавшихъ нагроможденные пирамидами ядра, или суетившихся между орудіями и мушкетами. Челядь чистила оружіе, а выписанный изъ ближайшаго города мастеръ приводилъ его въ исправность. Одни изъ собравшихся пришивали къ доспѣхамъ пряжки, другіе оттачивали сабли и бердыши. Крестьяне, призванные для обороны, съ любопытствомъ и изумленіемъ глядѣли на всѣ эти приготовленія.

Венгерецъ Янашъ, вмѣстѣ съ отцомъ Игнатіемъ, бывшимъ военнымъ, выбирали людей и направляли каждого, соотвѣтственно его способностямъ. Добровольцевъ обучали владѣть оружіемъ и ознакомляли съ новыми обязанностями.

Среди этой разнообразной толпы невольно обращала на себя вниманіе какая-то старая въ нищенскомъ одѣяніи женщина, шутившая со всѣми окружающими. Она была извѣстна всѣмъ жителямъ Ченстохова, и звали ее Констанціей, а чаще Костухой. На ея худощавомъ, изборожденномъ морщинами лицѣ постоянно блуждала улыбка. Ее далеко нельзя было назвать безумной, а развѣ только юродивой. Она сохранила память и подчасъ была остроумна. Лишь только разсвѣтало, какъ она тотчасъ отправлялась въ церковь и чрезвычайно горячо молилась. Своего угла у нея не было, кормили ее добрые люди.

— А ты, что будешь дѣлать, Костуха?—спросилъ Янашъ приблизившуюся къ нему старуху.—Быть можетъ, во время осады, поможешь носить намъ ядра и пули?

— Посмотримъ,—отвѣчала она.—~~Возможно, и придется~~ мнѣ уходить изъ своихъ дворцовъ, и если ^{тамъ} ~~даже~~ придутъ шведы, я буду сидѣть у стѣны, какъ всегда.

— Вотъ какъ! а пули?

— Меня они не возьмутъ. Я буду собирать ихъ, какъ орѣхи, и носить вамъ, чтобы у защитниковъ монастыря не было въ нихъ недостатка.

— А какъ ты думаешь, нападутъ на насъ шведы, или нѣтъ?

— Непремѣнно нападутъ, и я жду этого съ нетерпѣнiемъ. Колокола загудятъ, пушки загремятъ... ахъ, какъ это будетъ хорошо! А потомъ наша Заступница разсѣетъ шведовъ, какъ осеннiй вихрь разсѣиваетъ увядшiе, пожелтѣвшiе листья.

— Это хорошо, что ты намъ предвѣщаешь счастье.

— Только не всѣмъ. Кому счастье, а кому и несчастье.

— Что ты этимъ хочешь сказать?—спросилъ Яношъ, отчасти шутливо, отчасти съ безпокойствомъ.

— А то, Яношъ, любовь моя, что тебѣ не миновать пули.

— Тоже нашла пророчица!

— Ха! ха!—засмѣялась Костуха,—какъ онъ испугался, какъ поблѣднѣлъ.

— Я? я?—возразилъ венгерецъ.—Едва ли это на меня похоже, чтобы я испугался пророчества старой бабы.

— Яношъ - венгерецъ, совѣтую во всякомъ случаѣ заранѣе исповѣдаться, такъ какъ святой Петръ не пуститъ тебя къ Аврааму на пиво, а оно, говорятъ лучше здѣшняго. Говоря это, она стала смѣяться и прыгать вокругъ венгерца, кланяясь и посылая ему воздушные поцѣлуи. Яношъ опустилъ голову, какъ бы не обращая на нее вниманiя, но видимо смутился. Наконецъ, нищая оставила его въ покоѣ, и, подойдя къ стоявшему съ мушкетомъ крестьянину, стала учить его, какъ обращаться съ даннымъ ему оружиемъ.

— Помни дружокъ,—говорила старуха,—когда придется стрѣлять въ шведа, то цѣлься не въ лобъ и не въ грудь, лобъ у него каменный, ребра мѣдные, плечи желѣзные, а пали ему прямо въ брюхо, и тогда навѣрно свалишь окайннаго.

Сказавъ это, она кинулась въ сторону, и, пройдя въ ворота, вскорѣ исчезла за мостомъ.

VI.

Какъ разъ въ эту минуту во дворъ монастыря въѣхало нѣсколько экипажей и повозокъ, эскортируемыхъ значительнымъ числомъ всадниковъ.

Это пріѣхалъ Петръ Чарнецкій, давно уже обѣщавшій пріору, что, если монастырю будетъ угрожать опасность, то онъ не замедлитъ прійти на помощь.

Прибывшій былъ братомъ знаменитаго Стефана. Какъ тотъ, такъ и этотъ обладали мужествомъ, твердостью и благородствомъ. Петръ Чарнецкій былъ ласковъ съ мелкой шляхтой и простымъ людомъ, съ магнатами часто рѣзокъ и отчасти гордъ, но прежде всего это былъ воинъ, и какъ воинъ, не заботящійся о завтрашнемъ днѣ, онъ всегда былъ готовъ принести въ жертву себя и свое имущество. Обходительный въ общеніи съ людьми, гуманный, онъ и лицомъ походилъ на своего брата, кіевского каштеляна.

На немъ былъ сѣрый кунтушъ и шелковый малиновый жупанъ. Ёхалъ онъ верхомъ, а за нимъ нѣсколько дворовыхъ съ возами, наполненными всякими припасами и покрытыми шкурами. Лишь только его увидѣли священники, а между ними родной братъ прибывшаго, священникъ Людвигъ Чарнецкій, какъ тотчасъ поспѣшили привѣтствовать желаннаго гостя. Ближе всѣхъ къ пріѣхавшему очутился о. Игнатій.

— Вотъ и я! — весело сказалъ Чарнецкій, слѣзая съ коня и снимая шапку. — Прихожу раздѣлить съ вами все, что Богъ пошлетъ, какъ счастье, такъ и несчастье. Со мною немного людей, способныхъ владѣть оружіемъ, да нѣсколько возовъ разной разности — вотъ и все.

— Да вознаградитъ васъ Богъ за ваше сочувствіе и помощь, которую вы оказываете нашему монастырю, проговорилъ съ поклономъ о. Игнатій.

— Не откажите распорядиться относительно какого-нибудь помѣщенія какъ для меня, такъ и для моихъ людей, — прервалъ его Чарнецкій, — а я тѣмъ временемъ поспѣшу привѣтствовать нашего гетмана.

— Кого? — спросилъ о. Людвигъ.

— А кого же другого, если не пріора, нашего благороднаго Кордецкаго.

Но въ ту минуту, когда онъ произносилъ эти слова, почтенный настоятель, только что узнавшій о пріѣздѣ дорогаго гостя, стоялъ уже передъ нимъ.

— Привѣтъ вамъ, мужественный защитникъ Ченстохова, — радостно воскликнулъ Кордецкій, заключая въ объятія своего будущаго соратника по оборонѣ.

— Согласно обѣщанію, являюсь вмѣстѣ съ своей саблей, и отдаю какъ себя, такъ и ее въ ваше полное распоряженіе. Я получилъ ваши письма и все, что можно было взять въ помощь, взялъ, а прежде всего самого себя.

— Это для насъ самая цѣнная помощь. Вамъ уже приготовлено помѣщеніе, и прошу васъ распоряжаться здѣсь, какъ у себя дома.

— Прежде всего, отче, гдѣ моя келья?

— Въ самомъ монастырѣ недалеко отъ часовни. Вамъ предназначена обширная и удобная зала.

— Большое спасибо вамъ за ваши заботы, — прервалъ Чарнецкій, — но эту залу я знаю и принять не могу. Помните, что вы принимаете не гостя, не брата кіевскаго каштеляна, не солдата, которому надо быть какъ можно ближе къ стѣнамъ твердыни. Вотъ тамъ и дайте мнѣ какое нибудь мѣстечко, такъ какъ я пріѣхалъ сюда не отдыхать, но трудиться вмѣстѣ съ вами.

— Но и отсюда недалеко до стѣны, — замѣтилъ растроганный пріоръ, — потому, прошу васъ, займите эту залу, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ можетъ быть неудобно.

— Кто теперь, отче, думаетъ объ удобствахъ? Лишь бы было гдѣ приклонить голову, — вотъ и все. Если вы хотите сдѣлать мнѣ одолженіе, то помѣстите такъ, какъ я прошу, а именно — у самой стѣны.

— Тамъ все маленькія, жалкія комнатки.....

— Ничего, ничего; помѣстите меня гдѣ-нибудь въ сторожевой башнѣ.

— А ядра и пули?

— О! я знаю толщину ченстоховскихъ стѣнъ и совершенно спокоенъ; да, наконецъ, для меня важно быть поближе къ

непріятелю. Да, да, не иначе, отправляйте меня въ нижній этажъ башни.

— Въ самомъ дѣлѣ вы этого желаете?

— Непремѣнно.

— Въ такомъ случаѣ воля ваша! Отецъ Игнатій, велите какъ можно скорѣе приготовить комнату. Дѣлайте, дорогой гость, что вамъ угодно! А теперь рассказывайте, что слышно, какія вѣсти?

— Старья, старья! Шведамъ мало одной столицы, они осаждаютъ Краковъ и, быть можетъ, въ эту минуту нашъ древнѣйшій городъ попалъ въ руки враговъ,—со вздохомъ сказалъ Чарнецкій.—Я получилъ письмо отъ каштеляна.... Положеніе очень скверное... Краковъ несомнѣнно возьмутъ, и вопросъ только въ томъ, на какихъ условіяхъ произойдетъ капитуляція.

— Король еще въ Спизѣ?

— Да, и тамъ должно быть останется.

— А относительно насъ, какъ вы полагаете?

— Мнѣ достовѣрно извѣстно, что съ минуты на минуту сюда могутъ прійти шведы. Въ послѣдніе дни вопросъ у нихъ рѣшался лишь о томъ, кого сначала выслать. Кажется, начнутъ съ того, что назначать католика, войдутъ въ переговоры и попытаются, при первомъ удобномъ случаѣ, захватить насъ врасплохъ. Вѣроятно, явится Вейгардъ.

— Да будетъ воля Божья! Пусть приходитъ, кто хочетъ, мы совершенно спокойны. Образъ,—продолжалъ Кордецкий пониженнымъ голосомъ,—въ безопасномъ мѣстѣ, драгоценные сосуды также, а мы съ горстью ратныхъ людей и съ помощью такихъ мужей, какъ вы и Замойскій, не устрасимся врага. И переговоры вести сумѣемъ и сражаться, однимъ словомъ, ко всему готовы.

— Замойскій здѣсь?

— Нѣтъ еще, но сегодня долженъ быть. Шляхта постепенно собирается къ намъ, и за это слава Богу. Больше головъ и больше рукъ будетъ. Сегодня къ намъ пожаловали Жегоцкій, Сигизмундъ Мошинскій и нѣкоторые другіе. Каждый изъ нихъ обладаетъ мужествомъ и вѣрою въ то, что Ченстоховъ устоитъ. Даже Александръ Ярошевскій прислалъ къ намъ

свою благочестивую жену и дѣтей, увѣренный въ ихъ безопасности. И съ помощью Бога, не дадимся.

— Не дадимся,—весело повторилъ Чарнецкій, поглядывая на монастырь, наполненный разнаго званія людьми, энергично приготавливающимися къ оборонѣ.

— Вижу, что вы не спите,—добавилъ онъ черезъ минуту,—все здѣсь у васъ, какъ въ настоящемъ военномъ станѣ.

— И даже сегодня,—замѣтилъ Кордецкій,—если только приѣдетъ Замоискій, мы будемъ совершенно готовы. У меня уже свыше ста шестидесяти ратныхъ людей, не считая монаховъ и дворянъ, которые будутъ руководить обороной, не считая челяди и монастырскихъ слугъ. Пушки поставлены въ соответственныхъ мѣстахъ, ядра, пули, порохъ въ достаточномъ количествѣ, и даже для развлеченія защитниковъ и подъема духа въ трудные минуты у насъ имѣется собственный оркестръ. Впрочемъ, мы еще успѣемъ наговориться, а теперь я васъ попрошу отдохнуть, такъ какъ вы навѣрно очень устали.

— Мнѣ-бы хотѣлось раньше осмотрѣть стѣны и укрѣпленія,—сказалъ Чарнецкій, покручивая свои густые усы.

— Для этого еще будетъ время; вѣдь непріятель, надѣюсь, не сейчасъ же обрушится на насъ; а потому пойдете-ка немного отдохнуть.

Чарнецкій кивнулъ головой въ знакъ согласія и послѣдовалъ за пріоромъ въ монастырь.

Тѣмъ временемъ слуги отпрягли лошадей и занялись переноской вещей въ башню, гдѣ рѣшилъ поселиться ихъ господинъ.

Вечеромъ приѣхалъ Стефанъ Замоискій съ женой и сыномъ. Онъ не принадлежалъ къ извѣстному роду Замоискихъ, возвысившихся и ставшихъ въ ряды магнатовъ, благодаря выдающимся заслугамъ знаменитаго канцлера, современника Стефана Баторія. Это былъ обыкновенный шляхтичъ, не имѣвшій въ своей родословной особенно славныхъ предковъ, подобно Чарнецкому, но тѣмъ не менѣе обладавшій хорошимъ, честнымъ именемъ и очень солиднымъ состояніемъ. Въ немъ были типичныя черты шляхтича того времени. Глядя на него, можно было смѣло сказать, что этотъ человѣкъ родился для войны, такъ легко давалось ему все, что касалось ратнаго искусства. Не было коня, съ которымъ-бы онъ не смогъ управиться, не

было оружія, которымъ-бы не сумѣлъ владѣть, и не было доспѣховъ, которые были-бы для него слишкомъ тяжелы. Онъ былъ въ военной службѣ и вышелъ оттуда не только хорошимъ солдатомъ, но и опытнымъ вождемъ. Въ деревнѣ съ увлеченіемъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, не ради наживы, а изъ любви къ труду. Простой народъ любилъ и самъ былъ любимъ всѣми почти безъ исключенія, и хотя былъ строгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливъ, и зря никогда никого не обидѣлъ. Въ юриспруденціи былъ очень силенъ, и хотя, по своей натурѣ, терпѣть не могъ сутяжничества, но сознавалъ, что, какъ гражданинъ, онъ обязанъ знать законы своей страны. Въ общеніи съ людьми его ни въ чемъ нельзя было упрекнуть, развѣ въ слабости къ ораторству. Во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ частнаго или общественаго характера Замойскій не могъ удержаться, чтобы не сказать какую нибудь соотвѣтствующую обстоятельствамъ рѣчь. Роста онъ былъ богатырскаго, а силой обладалъ положительно феноменальной, не разъ спасавшей его въ трудныя минуты, какъ во время охоты на дикаго опаснаго звѣря, такъ и во время войны.

Таковъ былъ Стефанъ Замойскій, пріѣхавшій теперь для защиты Ченстохова отъ нашествія шведовъ. Ловко соскочивъ съ коня, онъ направилъ жену и сына въ указанное помѣщеніе, а самъ, провожаемый шопотомъ окружающей толпы, быстро направился къ монастырю. На крыльцѣ его встрѣтили о. Игнатій и о. Петръ, и тутъ же началась оживленная продолжительная бесѣда, прерванная только приходомъ Чарнецкаго и пріора.

Замойскій не могъ пропустить такого удобнаго случая и, по обыкновенію, началъ длиннѣйшую рѣчь, но Кордецкій, зная слабость своего новаго гостя, не далъ ему кончить, и заключивъ въ объятія, поспѣшилъ познакомить его съ Чарнецкимъ. Но это чуть не послужило поводомъ къ вторичному упражненію въ ораторскомъ искусствѣ, такъ какъ Замойскій пожелалъ достойнымъ образомъ привѣтствовать брата славнаго кіевскаго каштеляна, и уже началъ было:

— Кого такъ радостно созерцаютъ мои глаза?.. Но и этотъ разъ ему не удалось окончить, такъ какъ присутствующіе, замѣтивъ уже по началу, къ чему это клонится, нарочно вмѣ-

пались съ посторонними разспросами и увели его въ келью пріора, гдѣ былъ уже приготовленъ легкій ужинъ.

VII.

Восьмое ноября прошло совершенно спокойно. Сомнѣнія, однако, уже не было, что шведы не оставятъ въ покоѣ Ченстохова, лежащаго на самой дорогѣ въ Краковъ. Всѣмъ было теперь извѣстно, что нападеніе непрѣменно произойдетъ.

Прибывшій наканунѣ гонецъ извѣстилъ, что непріятель уже въ пути. Между прочимъ было получено письмо отъ неизвѣстнаго, въ которомъ обстоятельно сообщалось, что Виттембергъ поручилъ занять Ясную-Гору своему родственнику генералу Миллеру, но такъ какъ въ шведскомъ станѣ даже не допускали возможности сопротивленія, то предварительно изъ Велюня была выслана часть назначеннаго отряда, подъ начальствомъ графа Вейгарда Вжещевича, католика и по происхожденію чеха, и польскаго полковника Северина Калинскаго. Вейгардъ велъ съ собою около двухъ тысячъ солдатъ и нѣсколько небольшихъ полевыхъ орудій, которыя съ трудомъ тащились по испорченной осенними дождями дорогѣ.

Выступивъ изъ Велюня, шведы рассчитывали ночью быть подъ стѣнами Ченстохова и, не давъ опомниться, то съ помощью угрозъ, то съ помощью разныхъ обѣщаній, подъ прикрытіемъ своихъ друзей католиковъ, войти въ монастырь и открыть ворота Миллеру. А затѣмъ, какъ Вейгарду, такъ и Колинскому, въ случаѣ обвиненій въ несоблюденіи договора, предоставлялось право свалить всю вину на Миллера.

Но шведы ошиблись въ своихъ расчетахъ, такъ какъ Кордецкій уже седьмого ноября прекрасно зналъ не только какъ великъ вышедшій изъ Велюня отрядъ, кто имъ командуетъ и каковы намѣренія его вождей, но даже болѣе или менѣе приблизительно время прибытія въ ближайшія окрестности Ченстохова.

Монастырь, казалось, спалъ, огни были погашены и только на одной высокой колокольнѣ горѣлъ факелъ, какъ вечерняя звѣзда на пасмурномъ небѣ. Гора, монастырь и городъ были

во мракѣ, нигдѣ не было слышно человѣческаго голоса, не замѣчалось никакихъ приготовленій: ни часового, ни патрулей. Но такъ казалось снаружи. Внутри, однако, все, что жило, было на ногахъ. Пріоръ молился въ своей кельѣ, Замойскій распоряжался у воротъ, на которыя особенно было обращено вниманіе, Чарнецкій обходилъ стѣны съ маленькимъ потайнымъ фонаремъ, всюду заглядывая, все разсматривая. Окрестности тонули во мракѣ; царившая повсюду тишина лишь изрѣдка нарушалась порывами осенняго вѣтра; кругомъ ни голоса, ни звука, и только, подойдя къ самому монастырю, можно было разслышать мѣрные шаги часовыхъ, да шопотъ обходящихъ дозоромъ патрулей.

Въ это самое время по размытой проливными дождями дорогѣ медленно двигался отрядъ шведскаго войска, составленный изъ пѣхоты, кавалеріи и нѣсколькихъ пушекъ. Во главѣ отряда ѣхали Вейгардъ и Калининскій. Оба они были въ веселомъ настроеніи, такъ какъ не сомнѣвались въ полнѣйшемъ успѣхѣ предстоящей экспедиціи.

Передъ ними ясно уже виднѣлась высокая колокольня, на которой, какъ звѣздочка, блестѣлъ свѣтъ. Монастырь и окружающія его стѣны были въ совершенной темнотѣ и, казалось, все было погружено въ глубокой сонъ.

— Взгляните, полковникъ, — обращаясь къ своему товарищу, со смѣхомъ сказалъ Вейгардъ, — не замѣтно никакихъ приготовленій; очевидно, въ Ченстоховѣ не ожидаютъ насъ, что какъ разъ входитъ въ наши расчеты. Мы подойдемъ къ нимъ въ тишинѣ, внезапно ворвемся въ ворота и... монастырь въ ту-же минуту будетъ въ нашихъ рукахъ!

— Неминуемо! — добавилъ Калининскій. — Монахи не осмѣлятся оказать сопротивленіе побѣдоноснымъ войскамъ Карла Густава. Этого быть не можетъ, отпора ждать нельзя, развѣ только въ томъ случаѣ, если у преподобныхъ окончательно помутится въ головѣ. «Святый Боже» не поможетъ, и отцамъ, volens-nolens, придется впустить насъ въ монастырь.

— А монастырь богатый, — замѣтилъ Вжещевичъ, — я не разъ тамъ бывалъ. Монахи живутъ великолѣпно, животы у нихъ огромные, лица румяныя, и не удивительно — всего вдоволь. Виттенбергъ не дурно поживится, — добавилъ онъ, значительно

понижая голосъ, — но, что дѣлать, — на то война, да при томъ — Богу не надо ни золота, ни серебра.

— Да! — покашливая, проговорилъ Калининскій, — это, разумѣется, жертва, но Польша охотно принесетъ ее для своего спасителя, короля Густава; въ немъ наша единственная надежда.

— Это великій король! великій воитель!.. но тише... мы приближаемся... Внимание! Сейчасъ мы заиграемъ почтеннымъ монахамъ и прервемъ ихъ сладкій сонъ.

И, призвавъ молодого офицера, онъ далъ ему соотвѣтствующія приказанія. Солдаты приблизились къ стѣнамъ и направились къ воротамъ, такъ какъ рассчитывали найти ихъ не запертыми, и, быть можетъ, даже не охраняемыми. Вейгардъ заранѣе торжествовалъ, рисуя въ воображеніи смятеніе неожиданна ошеломленныхъ монаховъ, ихъ униженіе и покорность, по отношенію къ своему побѣдителю. Въ настоящей войнѣ онъ еще не успѣлъ отличиться, и это былъ-бы первый его триумфъ. Въ сильномъ возбужденіи честолюбивый графъ не чувствовалъ ни моросившаго дождя, ни холода, ни порывовъ вѣтра и нетерпѣливо гналъ коня, неохотно взбиравшагося на гору.

— Ха-ха! — сухо смѣясь, обратился онъ къ полковнику Калининскому, — какая неожиданность встрѣтить почтенныхъ монаховъ!

Въ эту минуту солдаты остановились недалеко отъ первыхъ воротъ. Внезапно среди ночной тишины, среди торжественнаго молчанія ночи, по данному знаку, загремѣли трубы, затрещали барабаны и раздались выстрѣлы; кавалерія быстро кинулись къ мосту, но, увы, оказалось, что мостъ поднять, а ворота закрыть.

Вейгардъ, не зная объ этомъ, весело улыбался, покручивая усы. Калининскій молчалъ.

Но вотъ подскакалъ офицеръ съ донесеніемъ:

— Ворота заперты!

— Какъ такъ? а мостъ?

— Поднять.

— Стража есть?

— Пока никого не видно.

Между тѣмъ, крикъ, шумъ и выстрѣлы на воздухъ все уси-

ливались, и, казалось, потрясали монастырь. Вейгардъ далъ коню шпоры, но тотъ, чего-то испугавшись, поднялся надыбы и, храпя, кинулся въ сторону. Въ ту-же минуту съ земли поднялась какая-то страшная фигура.

— Что это? кто тамъ? кто? стой! стой! — закричали ближайшіе солдаты.

— Стой, или смерть!

Тѣ, что посмѣлѣе, окружили и схватили неизвѣстнаго. Зажгли факелы и при свѣтѣ ихъ увидѣли исхудалую, покрытую лохмотьями нищую, которая теперь, держась за бока, не удержимо и какъ-то странно смѣялась.

— Какъ поживаете, господа? — говорила старуха. — Жаль, очень жаль, что вы опоздали къ вечернѣ, ворота закрыты, церковь также. Узнаю васъ, ей Богу узнаю! Вотъ гетманъ, а вотъ хорунжій. Откуда васъ Богъ несетъ? Дороги навѣрно плохія, очень плохія, дождь льетъ, да къ тому еще ворота закрыты. Но это ничего, мы сейчасъ прикажемъ ихъ открыть и пригласимъ васъ въ монастырь...

При послѣднихъ словахъ она хотѣла было убѣждать, но солдатъ удержалъ ее за воротъ.

— Стой! — крикнулъ Калининскій, — стой, баба! Говори, что дѣлается въ монастырѣ?

— Ничего особеннаго. Пріоръ, слава Богу, здоровъ и о. Игнатій и о. Бенедиктъ также здоровы. Пресвятая Дѣва царствуетъ въ монастырѣ, ангелы поютъ, а святой Павелъ охраняетъ стѣны.

— Это безумная, мы отъ нея ничего не добьемся, — воскликнулъ Калининскій. — Пустите ее!

— Стрѣлять попрежнему и трубить, — командовалъ Вейгардъ. — Долженъ же кто-нибудь отозваться!

Спустя нѣкоторое время, въ башнѣ надъ воротами открылось окно и показался свѣтъ. Вейгардъ велѣлъ прекратить стрѣльбу.

Почти тотчасъ изъ башни послышался голосъ:

— Во имя Бога, скажите, что означаютъ этотъ шумъ и выстрѣлы?

— А, наконецъ-то, отозвались! Калининскій, поговорите съ ними.

Полковникъ помчался къ мосту.

— Скажите настоятелю, — громко крикнулъ онъ, — что на-

чальникъ отряда войскъ шведскаго короля Карла Густава проситъ немедленно отворить ему ворота.

— Кто командуетъ отрядомъ? — слышался вопросъ.

— Графъ Янъ Вейгардъ Вжещевичъ.

Свѣтъ исчезъ, и предводители еще долго прождали, пока снова слышался голосъ:

— Мы не признаемъ иного монарха, кромѣ нашего законнаго короля Яна Казимира, что-же касается короля Густава, то мы не знаемъ, по какому праву онъ можетъ предъявлять къ намъ какія бы то ни было требованія.

Вейгардъ, все время бывший увѣреннымъ въ успѣхъ экспедиціи, услышавъ такія рѣчи, страшно разсердился.

— Бездѣльники! — крикнулъ онъ по-нѣмецки, — если не хотите, чтобы я васъ сжегъ, такъ немедленно открыть мнѣ ворота!

— Ворота не откроемъ, — послѣдовалъ отвѣтъ.

— Прошу впустить въ монастырь посла, — сказалъ Калининскій и, обращаясь къ Вейгарду, прошепталъ:

— Не беспокойтесь, я самъ пойду и сейчасъ все это дѣло улажу.

— Хорошо, но только скорѣе, полковникъ, а то дождь мочить, да и пора отдохнуть, — отвѣчалъ чехъ, закутываясь въ свой плащъ.

Вскорѣ по брошенной со стѣны доскѣ Калининскій не безъ страха перешолъ глубокій ровъ и черезъ едва открытый узкій проходъ попалъ въ ворота. Немедленно, несмотря на протестъ, ему завязали глаза, взяли подъ руки и привели въ какое-то зданіе. Когда была снята повязка, Калининскій увидѣлъ, что находится въ обширной, ярко освѣщенной залѣ, а вокругъ него стояло нѣсколько монаховъ въ глубокомъ молчаніи.

Сначала онъ былъ немного взволнованъ, но вскорѣ оправился, дерзко оглядѣлъ окружавшихъ его старцевъ, казавшихся испуганными, и, грозно нахмутивъ брови, воскликнулъ:

— Почему не открываете ворота?

— Кому же это и по чьему приказу? — медленно спросилъ пріоръ.

— Мы пришли занять Ченстоховъ во имя его королевскаго величества короля Карла Густава.

— Мы Карла Густава не знаемъ, — возразилъ Кордецкій.

— Это что за рѣчь? Знаете-ли вы, чему можете подвергнуться за свою дерзость?—продолжалъ Калининъ. — Вся страна подчинилась власти шведовъ, Варшава въ ихъ рукахъ, почти всѣ города захвачены, и только одинъ лишь Краковъ держитъ пока сторону Яна-Казимира, но и этотъ послѣдній оплотъ скоро рухнетъ и дни его сочтены. Если вы окажете хотя-бы малѣйшее сопротивленіе, четыре тысячи солдатъ немедленно ворвутся сюда, и тогда огнемъ и мечемъ уничтожатъ вашъ монастырь.

— На то воля Божья!— невозмутимо сказалъ Кордецкій и, пристально смотря на посла, добавилъ: — господинъ полковникъ, подобаешь-ли вамъ, католику, поляку, быть въ рядахъ враговъ и нападать на слабыхъ, беззащитныхъ монаховъ, угражая имъ огнемъ и мечемъ?.. Вамъ-ли, сыну великой, но несчастной страны, подымать оружіе на родную святыню?..

Лицо Калинскаго покрылось яркимъ румянцемъ, но лишь на одну минуту, а затѣмъ онъ продолжалъ съ еще большей дерзостью:

— Вотъ потому-то, что я и графъ Вейгардъ католики, что чтимъ этотъ образъ и желаемъ охранить его отъ опасности, съ этой цѣлью мы и поспѣшили сюда, чтобы занять монастырь раньше прибытія другого отряда шведовъ. Если вы не послѣдуете нашему совѣту, мы готовы употребить силу. Съ нами четыре тысячи солдатъ, слѣдовательно, всякое сопротивленіе не только бесполезно, но оно можетъ быть для васъ гибельно. Тутъ даже и думать нечего, — добавилъ онъ, — остается немедленно подчиниться и открыть ворота.

Кордецкій горько улыбнулся.

— Господинъ полковникъ, — сказалъ онъ пониженнымъ голосомъ, — я нахожу ваше благочестіе слишкомъ страннымъ. Знайте, что въ доказательство нашей глубокой вѣры въ могущество нашей Заступницы, мы не откроемъ воротъ.

— Должны!—въ запальчивости, топнувъ ногой, воскликнулъ Калининъ, — должны или.....

— Когда обстоятельства насъ заставятъ, откроемъ, — медленно отвѣтилъ пріоръ, — но пока не видимъ необходимости.

— Хотите пожара? хотите уничтоженія? хотите кровопролитія? Предупреждаю васъ, если шведскія солдаты войдутъ въ монастырь силою, то я ни за что не ручаюсь.

— Богъ насъ охранить.

— Да неужели вы намѣрены, почти совершенно одни, держать сторону изгнанника?

Не желая отвѣчать на этотъ вопросъ, Кордецкій тихо проговорилъ:

— Мы вовсе не желаемъ войны, мы служимъ Богу, никого не трогаемъ, а потому оставьте насъ въ покоѣ.

— Для вашего добра необходимъ здѣсь сильный гарнизонъ; вѣдь дѣло идетъ о безопасности чудотворнаго образа и этой древней святой обители.

— Воистину необыкновенное рвеніе!—со вздохомъ промолвилъ настоятель.

— Придутъ, — горячо продолжалъ Калининскій, — придутъ инновѣрцы, шведы, а съ ними всякій сбродъ бездѣльниковъ, мародеровъ и окончательно уничтожатъ монастырь. Мы только желаемъ васъ спасти.

— Покорно благодарю за заботы и рвеніе, но мы возлагаемъ единственное упованіе на милость Божью и Онъ насъ не оставитъ.

— Слѣдовательно,—съ досадой закончилъ полковникъ,—вы желаете войны, желаете уничтоженія обители? Въ такомъ случаѣ—хорошо, пусть будетъ по вашему.

— Нѣтъ, не желаемъ,—покорно отвѣчалъ Кордецкій,—не наше это дѣло воевать. Мы просимъ васъ отложить переговоры до завтра; теперь ночь, намъ надо еще помолиться, а утромъ мы можемъ переговорить обо всемъ обстоятельно.

Калинскій грозно взглянулъ на пріора и, увѣренный въ успѣхъ, на прощеніе приговорилъ:

— Ну, такъ и быть, даемъ вамъ отсрочку до завтра, но совѣтую поспѣшить, такъ какъ графъ Вейгардъ долго ждать не станетъ. Несмотря на все мое вліяніе, врядъ-ли мнѣ удастся удержать его отъ рѣшительныхъ мѣръ. Если меня не послушаете, то какъ вы, такъ и находящіеся съ вами друзья, погибнете. Надѣюсь, что мои слова вы не примите за пустую лишь угрозу.

Сказавъ это, онъ быстро ушелъ, отказавшись отъ предложеннаго ему пріоромъ ужина.

Графъ Вейгардъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій своего посла, еще издали спросилъ его:

— Ну, что, полковникъ, открываютъ ворота?

— Сейчасъ, сейчасъ все расскажу, — подыскивая подходящія выраженія, отвѣтилъ Калининскій. — Видите-ли... монахи очень напуганы, просятъ, молятъ обождать до завтра, а затѣмъ они немедленно приступятъ къ переговорамъ. Сами посудите, нельзя же было особенно настаивать... хотя...

Вейгардъ съ проклятіемъ повернулъ коня и отдалъ приказъ искать мѣста для ночлега.

Войско медленно двинулось къ маленькой церкви святой Варвары и окружающимъ ее зданіямъ.

Калинскій долго еще говорилъ, объяснялся, смѣялся надъ монахами, но не сумѣлъ развлечь своего собесѣдника. Чехъ мрачный, какъ ночь, что-то ворча себѣ подъ носъ, сиѣвшилъ на ночлегъ.

VIII.

На другой день, лишь только настало утро, Вейгардъ проснулся съ чувствомъ разочарованія и мрачно глядѣлъ на стѣны монастыря. На нихъ однако не видно было никакого движенія и онѣ казались совершенно беззащитными съ своей высокой колокольней и сторожевыми башнями.

Вскорѣ онъ послалъ узнать — явились-ли изъ монастыря послы. Калининскій поспѣшилъ сообщить, что они уже идутъ сюда. Оба вождя съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ ожидали пословъ, заранѣе рѣшивъ, въ случаѣ взятія Ченстохова, отомстить монахамъ за ихъ дерзость и непослушаніе.

Когда стоящій на стражѣ солдатъ доложилъ, наконецъ, о прибытіи пословъ, Вжешевичъ, несмотря на нетерпѣніе, не принялъ ихъ сразу, а заставилъ ждать во дворѣ подъ дождемъ. Видно было изъ окна, какъ монахи съ поднятыми капюшонами оперлись о стѣну и, окруженные солдатами, среди насмѣшекъ и издѣвательствъ невѣжественной толпы, спокойно стояли, не отвѣчая на брань ни единымъ словомъ.

Наконецъ ихъ пригласили къ начальнику отряда.

Отправленные пріоромъ послами были: о. Бенедиктъ Ярочев-

скій и о. Марцелій Томицкій, оба люди очень опытные, терпѣливые и мужественные; первый былъ весьма образованный человѣкъ, владѣвшій свободно нѣсколькими языками, второй также ученый мужъ, прекрасный латинистъ, съ живымъ провицательнымъ умомъ.

Въ первую минуту Вейгардъ не зналъ, какъ держаться съ послами: сразу-ли обрушиться на нихъ съ гнѣвомъ или вести переговоры ласково и вмѣстѣ съ тѣмъ хитро. Колебаніе, впрочемъ, продолжалось не долго; начальникъ отряда рѣшилъ держаться отчасти середины, отчасти свысока.

Бенедиктъ выступилъ впередъ, съ достоинствомъ поклонился и началъ такъ:

— Мы не можемъ прійти въ себя отъ удивленія и даже просто не вѣримъ собственнымъ глазамъ, види васъ здѣсь и убѣждаясь, что не кто иной, а именно вы являетесь начальникомъ отряда, рѣшившагося нынѣшней ночью, безъ всякаго повода, едва не штурмовать нашъ тихій монастырь. Мы имѣли право надѣяться видѣть въ васъ покровителя, защитника, почитателя образа нашей чудотворной Владычицы, къ стопамъ которой вы нѣкогда склонялись съ благоговѣніемъ и молитвой. Подобало-ли ночью, съ крикомъ, барабаннымъ боемъ и выстрѣлами ломиться въ врата священной обители?

— Что произошло, — прервалъ Вейгардъ, — то произошло, и я не нахожу свои дѣйствія предосудительными. Я поступилъ такъ ради вашего блага и не скрываю, что хочу и долженъ занять Ченстоховъ. Неужели вы еще не знаете, что теперь происходитъ и что васъ окружаетъ? — добавилъ онъ, улыбаясь. — Ваше подчиненіе неминуемо, и если не сегодня, такъ завтра оно должно наступить. Такова воля Карла Густава. Какъ покровитель монастыря, какъ вашъ другъ, я долженъ позаботиться, чтобы вы не попали въ худшія руки. Я поспѣшилъ явиться сюда единственно ради вашего собственнаго спасенія...

Бенедиктъ въ изумленіи на минуту умолкъ, а затѣмъ медленно проговорилъ:

— Но мы вовсе не видимъ необходимости въ этомъ подчиненіи. Какъ монахи, мы молимся, славимъ Бога и охраняемъ довѣренную обитель...

— Которую, однако, не сумѣете охранить,—замѣтилъ Калинскій.

Вейгардъ строго посмотрѣлъ на него, какъ бы своимъ взглядомъ заставляя молчать, и ласково продолжалъ:

— Вамъ хорошо извѣстно, святые отцы, что я издавна съ благоговѣніемъ относился къ этому святому мѣсту, всегда былъ расположенъ къ вамъ и вообще ко всему вашему ордену и неоднократно оказывалъ значительную помощь, о чемъ, конечно, я не напомнилъ-бы, если-бы не настоящія обстоятельства, заставляющія меня употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы вы опомнились. Я прихожу сюда, быть можетъ, подъ видомъ врага, но на самомъ дѣлѣ, какъ другъ и защитникъ. Не бойтесь, довѣртесь мнѣ и немедленно сдайте монастырь. При настоящемъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ вамъ ничего не остается, какъ послѣдовать моему доброму совѣту, ради вашего спокойствія и безопасности. Ручаюсь за цѣлость монастыря и всего имущества, ничего отъ васъ болѣе не требую, напротивъ, самъ еще постараюсь чѣмъ-нибудь помочь вамъ.

— Графъ, — отвѣтилъ о. Бенедиктъ, — мы чрезвычайно признательны за все высказанное вами, но, благодаря милости Всевышняго, пославшаго намъ свое откровеніе, мы лучше знаемъ, какъ намъ слѣдуетъ поступить, а потому предоставьте насъ собственной участи.

— Вы хотите, значить, погибнуть? Имѣйте въ виду, что за мной сюда идетъ съ большимъ отрядомъ генералъ-лейтенантъ Миллеръ, въ переговоры съ вами онъ вступать не станетъ и силой овладѣетъ монастыремъ. А знаете-ли, что такое разъяренный солдатъ, въ особенности иновѣрецъ? Здѣсь все безпощадно будетъ предано огню и мечу и камня на камень не останется.

— Во имя Бога и нашей святой вѣры, къ которой и вы принадлежите, — прервалъ о. Марцелій, — оставьте насъ въ покоѣ и будьте попрежнему нашимъ вѣрнымъ другомъ.

— Довольно! одни слова, — возразилъ графъ, — ихъ я слушать не стану, это напрасно. Идите къ пріору и передайте ему мой совѣтъ. Повторите все что я сказалъ, и возвращайтесь съ приказомъ немедленно открыть ворота. Повторяю еще разъ, что ручаюсь за

цѣлость монастыря, никто даже не прикоснется къ вашему имуществу, а иначе, помните, что васъ ожидаетъ. Идите, — добавилъ онъ, — идите и говорите рѣшительно, такъ какъ въ противномъ случаѣ я ни за что не ручаюсь.

При этихъ словахъ, онъ поднялся съ своего кресла, въ знакъ окончанія разговора, а монахи съ поклономъ удалились въ молчаніи и направились къ монастырю, сопровождаемые наемѣшками шведскихъ солдатъ.

У воротъ уже ждали съ нетерпѣніемъ и тотчасъ повели въ келью, гдѣ собрались: пріоръ, Замойскій, Чарнецкій, Мошинскій и нѣсколько священниковъ. Почти всѣ присутствующіе сильно волновались, интересуясь результатомъ переговоровъ. Одинъ лишь Кордецкій былъ совершенно спокоенъ и, съ виду, равнодушно встрѣтилъ возвратившихся пословъ, точно заранѣе зная, что они ему скажутъ.

Въ первую минуту на монаховъ посыпался цѣлый градъ вопросовъ, но когда постепенно все утихло о Бенедиктѣ обстоятельно передалъ содержаніе и результатъ переговоровъ.

Пріоръ не выказалъ ни удивленія, ни страха и равнодушно принялъ ультиматумъ.

— Этого надо было ожидать, — проговорилъ онъ, видя устремленные на себя взгляды. — Если-бы дѣло шло только о насъ, я сразу, не задумываясь, отвѣтилъ-бы графу рѣшительнымъ отказомъ, но здѣсь вопросъ касается также и васъ, господа, — добавилъ онъ, обращаясь къ Замойскому и шляхтѣ, — а потому, совѣтуйте и скажите, что, по вашему мнѣнію, надо дѣлать?

— Собиратъ, совѣтоваться! — воскликнулъ Чарнецкій, нечего и не зачѣмъ. Насъ, здѣсь собравшихся, вполне достаточно для военнаго совѣта, который будетъ очень непродолжителенъ: не впускать шведовъ, и баста! Ни подъ какимъ видомъ, по моему мнѣнію, нельзя вѣрить ихъ многочисленнымъ обѣщаніямъ. Хорошо поетъ Вейгартъ, а почему вчера онъ такъ коварно хотѣлъ захватить насъ врасплохъ? Что тутъ совѣтоваться, что тутъ долго думать! Почтенные отцы рѣшили защищаться, а намъ такъ и подавно, безъ всякихъ разговоровъ, надо взяться за мечъ. Впрочемъ, рѣшающее слово принадлежитъ настоятелю, какъ онъ скажетъ, пусть такъ и

будетъ. Мы во всякомъ случаѣ раздѣлимъ съ вами вашу судьбу, какова бы она ни была.

Стефанъ Замойскій, кашлянувъ, выпрямился и приготовился было къ длиннѣйшей рѣчи, но Кордецкій, нѣжно обнявъ его, не далъ ему начать и громко заговорилъ:

Слава Всевышнему, что вы вѣрите въ силу нашей Заступницы, вѣра насъ спасетъ. Гибнуть только слабые духомъ и молитва ихъ, полная тревоги, не доходитъ къ престолу Всевышняго, какъ мгла, разлетаясь по землѣ. Вѣрите и да будетъ такъ! Пусть души ваши, укрѣпленные вѣрой, стремятся къ Богу и Всемогущій не оставитъ васъ. А потому, нечего больше думать и совѣщаться: идите, дорогіе братья, къ графу съ прежнимъ отвѣтомъ.

— Мнѣ кажется, замѣтилъ Мошинскій,—что съ Вейгардомъ нельзя однимъ довольствоваться и надо пропѣть ему что-нибудь новое, съ цѣлью добиться проволоочки. Не худо было-бы, на-примѣръ, сказать ему, что если-бы вы даже желали поступить болѣе или менѣе рѣшительно, то въ вопросѣ о судьбѣ монастыря предварительно должны спросить мнѣнія своего высшаго начальника.

— Recte dixisti (ты правильно сказалъ),—подтвердилъ Замойскій,—отецъ Теофиль Броневскій находится въ Глоговѣ; переговоры съ нимъ сопряжены съ проволочкой; мы, такимъ образомъ, выиграемъ время, а тамъ посмотримъ, что будетъ.

— Пожалуй, это будетъ хорошо,—замѣтилъ пріоръ,—и, конечно, противъ подобнаго непріятеля мы можемъ воспользоваться такого рода средствомъ, хотя, по правдѣ сказать, мы хорошо знаемъ, что Теофиль не посоветуетъ сдаться.

— Но это будетъ только предлогъ.

— Такъ вотъ,—обратился Кордецкій къ посламъ,—скажите начальнику отряда, что окончательный отвѣтъ мы можемъ дать не ранѣе, какъ по полученіи согласія отъ нашей высшей духовной власти. Больше я ничего не прибавлю, кромѣ того, что да вдохновить и благословить васъ Богъ.

— Отцамъ, пожалуй, не мѣшало бы передъ уходомъ отдохнуть немного и подкрѣпиться,—отчасти шутя замѣтилъ Чарнецкій,—такъ какъ у Вейгарда, я думаю, не густо, да и врядъ-ли можно разчитывать на особенно любезный пріемъ.

Монахи съ улыбкой посмотрѣли другъ на друга, а затѣмъ единогласно отказались. Кордецкій шепнулъ имъ еще нѣсколь-
ко словъ и добавилъ:

— Возвращайтесь поскорѣе, такъ какъ нѣтъ ничего хуже
неизвѣстности.

Ихъ выпустили опять черезъ потайную дверь.

Послы, поднявъ свои капюшоны, двинулись къ шведскому
стану.

Калинскій первый замѣтилъ ихъ и поспѣшилъ сообщить
объ этомъ начальнику отряда. На этотъ разъ Вейгардъ не
заставилъ ждать и тотчасъ любезно пригласилъ къ себѣ, ожи-
дая желаннаго отвѣта, но вскорѣ по выраженію лицъ мона-
ховъ догадался, что они ничего утѣшительнаго ему не при-
несли.

— Ну, что? — спросилъ онъ рѣшительно, — сдается ли нѣтъ?

— Просимъ васъ...

— Сдается, или нѣтъ? — вторично спросилъ Вейгардъ.

— Мы не можемъ окончательно отвѣтить, — сказалъ отецъ
Марцелій, — такъ какъ настоятель, по уставамъ нашего ордена,
не имѣетъ права рѣшить самостоятельно такой важный вопросъ
безъ предварительнаго согласія нашего высшаго начальства.

— Гдѣ же это начальство?

— Въ Глоговѣ въ Силезіи.

— Ваши уставы для меня не существуютъ, — возразилъ
графъ, — а затѣмъ, вотъ вамъ мое слово: сейчасъ же сдаться, вотъ
на этихъ условіяхъ (тутъ онъ вручилъ имъ исписанный листъ
бумаги) или мы уничтожимъ огнемъ и мечомъ сначала имѣ-
нія и деревни, принадлежащія монастырю, а затѣмъ Ченстоховъ.

— Чѣмъ же виноваты деревни? — спросилъ о. Марцелій.

— Виноваты или невиноваты, а за вашу вину будутъ
отвѣчать, и я разорю ихъ въ прахъ, слышите? Вотъ мой по-
слѣдній отвѣтъ.

Въ эту минуту онъ уже не старался казаться имъ якобы
покровителемъ и защитникомъ. Теперь Вейгардъ былъ явнымъ
врагомъ, который угрожалъ и волновался при одной мысли о
сопротивленіи и защитѣ.

— Читайте и подписывайте, — съ яростью крикнулъ онъ и
тотчасъ же вышелъ.

Встревоженные монахи остались въ обществѣ полковника Калинскаго, который со вздохомъ приблизился къ нимъ и тихо сказалъ:

— Ужасный человѣкъ! Не медлите, пожалѣйте себя. Онъ сдержитъ свое обѣщаніе, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Какъ католикъ, какъ другъ, совѣтую, умоляю, спѣшите, такъ какъ, въ случаѣ сопротивленія, вы подвергаете себя величайшей опасности.

— Но мы сами ничего не можемъ рѣшить, — замѣтилъ о. Бенедиктъ.

— Въ такомъ случаѣ, спѣшите въ монастырь. Я чувствую къ вамъ глубокое состраданіе и хочу спасти васъ. Совѣтую, прошу, еще разъ совѣтую, постарайтесь его умолить, и немедленно!

Еле успѣлъ онъ окончить, какъ дверь раскрылась, и въ комнату вошелъ графъ Вейгардъ, одѣтый въ блестящія доспѣхи.

— Что же?— проговорилъ онъ,—вы все еще не рѣшаетесь?! все еще думаете?.. Теперь вы видите меня готовымъ къ бою. Даю вамъ еще часъ времени; спѣшите скорѣе въ монастырь... или огонь и мечъ никого не пощадятъ.

Монахи торопливо направились къ монастырю, захвативъ съ собою данную имъ бумагу, заключавшую въ себѣ предложенныя имъ условія капитуляціи.

Лишь только ихъ замѣтили, какъ часовые открыли потайную дверь и ввели ихъ въ келью, гдѣ находился пріоръ и много другихъ лицъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ возвращенія пословъ. Кордецкому передали условія и онъ сталъ внимательно ихъ читать.

— Какова дерзость, — сказалъ онъ наконецъ, — каково высокомеріе! Смотрите, онъ уже заранѣе приказываетъ! Но Богъ смиритъ ихъ гордыню. Читайте, — обратился онъ къ Замойскому.

Тотъ взялъ бумагу и сталъ читать условія, которыя были болѣе тяжелы, чѣмъ можно было ожидать. Вейгардъ приказывалъ немедленно сдать Ясную Гору Карлу-Густаву и признать его высочайшимъ протекторомъ (титулъ принадлежащій только монарху); далѣе требовалъ отъ монаховъ присяги новому королю и прекращенія всякихъ сношеній съ Яномъ-Казиміромъ; затѣмъ, признанія его, Вейгарда, комендантомъ замка, приня-

тія шведскаго гарнизона, передачи ему, графу, всего имѣющагося оружія, указанія всѣхъ подземныхъ ходовъ, удаленія всѣхъ находящихся въ монастырѣ на службѣ ратныхъ людей и, наконецъ, уплаты извѣстной суммы себѣ и Миллеру.

Общее возмущеніе не дало Замойскому возможности дочитать до конца.

— Присяги! — воскликнулъ пріоръ, — они хотятъ присяги. Какъ, однако, у нихъ легко на это смотреть. Приказываютъ нарушить прежнюю, немедленно дать новую, точно, подумаешь, дѣло идетъ о перемѣнѣ платья, а не о чемъ нибудь другомъ, гораздо болѣе важномъ. Какой же можетъ быть отвѣтъ на это издѣвательство? — добавилъ онъ, окидывая взоромъ всѣхъ присутствующихъ.

— Пальба! — воскликнулъ Чарнецкій.

— Я, въ свою очередь, — сказалъ Замойскій, — совѣтую то же самое.

— Нѣтъ, нѣтъ! — возразилъ Кордецкій, — я еще пошлю о. Игнатія сказать имъ, что мы, люди посвятившіе себя Богу, такъ легко не относимся къ присягѣ и предпочитаемъ честную смерть безчестной жизни. Предъявленныхъ требованій исполнить не можемъ и предоставляемъ графу дѣлать все, что ему угодно.

Всѣ единогласно согласились съ достойнымъ настыремъ. Немедленно послали о. Игнатія, но такъ какъ онъ, кромѣ польскаго, зналъ только одинъ латинскій языкъ, то вмѣстѣ съ нимъ къ начальнику отряда отправили одного изъ прежнихъ пословъ, а именно о. Бенедикта.

Издали можно было видѣть, какъ шведы суетились, строились въ ряды, точно готовились къ штурму. Вейгардъ сидѣлъ на конѣ и отдавалъ какія-то приказанія, а Калининъ былъ тутъ же возлѣ него. Казалось, всѣ эти приготовленія направлены были противъ Ченстохова.

Пріоръ съ Замойскимъ, нѣсколькими шляхтичами и священниками собрались въ сторожевой башнѣ, и съ высоты ея глядѣли въ сторону церкви святой Варвары. Они ясно видѣли, какъ монахи подошли къ Вейгарду, какъ тотъ съ минуту поговорилъ съ ними, а затѣмъ подѣхалъ къ войску, а о. Игнатій съ о. Бенедиктомъ направились въ обратный путь

Почти въ то же самое время со стороны зданій, окружающихъ церковь, очевидно, подожженныхъ, поднялся густой дымъ. Это уже былъ непріятельскій вызовъ, а потому, лишь только потайная дверь закрылась за послами, какъ по данному пріоромъ знаку, съ монастырскихъ стѣнъ по шведамъ грянули выстрѣлы изъ пушекъ.

Вейгардъ, услышавъ гулъ орудій, на минуту остановился, поглядѣлъ на монастырь, потомъ на своихъ солдатъ, изъ которыхъ нѣсколько упало, затѣмъ съ досадой поскакалъ впередъ, ведя за собой смѣшавшійся отрядъ. Кавалерія быстро помчалась по дорогѣ къ Кшеницамъ. Очевидно, Вейгардъ принужденъ былъ отступить, такъ какъ съ небольшимъ отрядомъ онъ не могъ начать правильной и болѣе или менѣе продолжительной осады.

Пріоръ глядѣлъ на удаляющіяся войска непріятелей и благоговѣнно молился. Возлѣ него въ эту минуту стоялъ одинъ только Замойскій, погруженный, казалось, въ глубокую задумчивость. Кордецкий, сильно взволнованный, схватилъ его за руку, и, указывая на отступающихъ въ безпорядкѣ шведовъ, воскликнулъ:

— Это саранча, которую Богъ послалъ на эту землю за наши грѣхи. Гдѣ находимся мы? гдѣ они? какія отношенія насъ связываютъ съ ними и откуда могла явиться эта вражда? Истинно Богъ караетъ грѣшныхъ! Да, мы грѣшны и Всемогушій дотолѣ будетъ насъ карать, доколѣ не покаемся въ грѣхахъ и не падемъ ницъ съ головою, посыпанной пепломъ, со слезами каясь въ винѣ!.. Какъ Богъ каралъ израильтянъ за идолопоклонство и непостоянство, такъ Онъ покараетъ и насъ за то, что мы себя сдѣлали идолами и себѣ поклоняемся. Онъ накажетъ насъ за равнодушіе къ отечеству, за непослушаніе законамъ и за всѣ преступленія, которыми мы запятнаны. Мы не хотимъ подчиняться собственнымъ законамъ и принуждены будемъ учиться этому у другихъ... И будемъ плакать, рыдать, просить и взывать къ милосердію, но долго Богъ будетъ глухъ къ нашимъ мольбамъ. Войны, пожары, всякія бѣдствія долго еще будутъ терзать нашу страну, и будетъ казаться, точно Отецъ забылъ о насъ, точно Мать оставила насъ. Ибо велики грѣхи наши! Слуги Христа, дѣти

Его, мы носимъ крестъ на груди, но не въ груди; слово расходится съ дѣломъ, а законы съ поступками. Мы молимся, но даже въ молитвахъ грѣшимъ; плачемъ, но наши слезы злы; стонемъ, но стонъ нашъ преступенъ; воздвигаемъ церкви и украшаемъ ими нашъ край, а между тѣмъ языческая гордость, языческая жадность и идолопоклонство царятъ въ нихъ и пятнаютъ Крестъ Божій. Воистину, Богъ проститъ скорѣе слѣпымъ, нежели тѣмъ, которымъ данъ былъ свѣтъ, а они не воспользовались имъ; которымъ данъ былъ законъ, а они измѣнили его для совершенія беззаконій; которые клялись, но забыли клятвы свои. Велики грѣхи и кара должна быть велика, ужасна, отъ которой содрогнется земля и народы зарыдають. И станемъ безсильны, ибо велики грѣхи наши. Гляжу на нашу страну и вижу ее отъ края и до края истерзанной, мрачной, черной, какъ небо бурной ночью, освѣщаемое лишь свѣтомъ сверкающей молніи, да изрѣдка мигающими изъ-за тучъ звѣздами. Богъ справедливъ, но Онъ великъ и могучъ и неисчерпаемо милосердіе Его ..

Въ то время, когда онъ это говорилъ, крупныя слезы текли по его мужественному, вдохновенному лицу, а присутствующій тутъ же Замойскій, взволнованный его словами до глубины души, блѣдный дрожалъ отъ страха, глядя на Кордецкого, точно на пророка.

Пріоръ умолкъ и опустилъ голову, какъ бы совершенно изнемогая отъ этого страшнаго видѣнія. Наконецъ онъ сдѣлалъ знакъ Замойскому удалиться, а самъ, оставшись въ одиночествѣ, сталъ на колѣни передъ образомъ и горячо началъ молиться.

IX.

Шведы ушли, оставивъ отъ домовъ, окружавшихъ церковь св. Варвары, однѣ лишь дымящіяся развалины.

Вскорѣ послѣ ухода непріятелей, въ монастырь собрались жители мѣстечка и окрестныхъ деревень и рассказывали, какъ шведы ихъ грабили и разоряли. Чего не могли взять съ собой, то портили или совершенно уничтожали, угрожая жителямъ новымъ нашествіемъ. Передъ тѣмъ, какъ уйти, они объявили

испуганнымъ крестьянамъ, что они только авангардъ огромнаго войска генерала Миллера, которое направляется къ Ченстохову.

Миллеръ въ это время опустошалъ Серадское воеводство. Вейгардъ, вовсе не обезкураженный неудачей, явился къ нему съ цѣлью поторопить къ выступленію на Ясную Гору, и такимъ образомъ не дать возможности монахамъ подготовиться къ оборонѣ.

Потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ первымъ запустить руку въ монастырскую сокровищницу, Вейгардъ рѣшилъ жестоко отомстить монахамъ за сопротивленіе, казавшееся ему преступнымъ. Пригласивъ съ собою Калинскаго и условившись съ нимъ, какъ надо дѣйствовать, онъ вошелъ къ Миллеру, и, поддерживаемый своимъ другомъ, доказывалъ генералу, какъ полезно и какъ легко взять Ясную Гору.

Миллеръ былъ человѣкъ безъ прошлаго и по натурѣ своей грубый солдатъ. Въ немъ не было и тѣни благородства. Обогащаться какимъ бы то ни было путемъ—было единственной цѣлью его жизни. Къ ней онъ шелъ по солдатски, напроломъ, не обращая вниманія на пролитую кровь, вѣшая, рубя, разоряя, не чувствуя никакого угрызенія совѣсти. Большая часть шведовъ дѣйствовала такимъ же образомъ въ Польшѣ. Они грабили безъ всякаго милосердія, забирали не только золото, серебро, связанные съ историческими воспоминаніями драгоценности, но даже книги—слѣды нашего духовнаго существованія, крали самое дорогое—прошлое. Слѣды ихъ пребыванія остались и донинѣ.

Какъ еретикъ и невѣжественный солдатъ, Миллеръ не щадилъ церквей и безпощадно разорялъ ихъ. Въ шведскомъ войскѣ не было человѣка страшнѣе его, въ особенности для беззащитныхъ, такъ какъ, вовсе не думая о Карлѣ-Густавѣ, и не заботясь о его будущемъ, онъ шелъ къ своей низменной цѣли, не смущаясь ни насиліями, ни несправедливостями, и оставляя позади себя дымящіяся и обогренныя кровью развалины. Вѣра его заключалась въ исполненіи обрядовъ. Въ этомъ отношеніи онъ отличался замѣчательною пунктуальностью, и въ церковь велъ своихъ солдатъ, какъ на смотръ или парады. Надъ вопросами вѣры никогда не задумывался и не чувство-

валъ въ этомъ потребности, но зато глубоко вѣрилъ во всякія чары и болѣе всего ихъ боялся.

Кто-то шепнулъ ему, что ченстоховскіе монахи—великіе чародѣи, и, быть можетъ, по этой именно причинѣ онъ не имѣлъ особеннаго желанія идти на Ясную Гору. Ему было стыдно, но тѣмъ не менѣе, онъ не могъ скрыть чувства нѣкоторой тревоги.

Вейгарда, какъ придворнаго и щеголя, онъ не любилъ, но въ силу обстоятельствъ принужденъ былъ поддерживать съ нимъ сношенія.

Миллеръ принялъ его въ домѣ одного шляхтича, который онъ завялъ силою, безъ церемоніи выгнавъ хозяина.

— Ну, что, графъ,—обратился онъ къ Вейгарду, насмѣшливо глядя на его изящный костюмъ и барскую фигуру,—что хорошаго скажете? Какъ Ченстоховъ?

— Ждетъ генерала Миллера.

— Въ самомъ дѣлѣ, графъ? А почему вамъ онъ не пожелала сдаться?

— Во-первыхъ, потому, что я не очень настаивалъ, а во-вторыхъ, потому, что монахи упрямы и отчасти самонадѣянны и, очевидно, хотятъ непременно побесѣдовать съ болѣе крупными орудіями. Они, конечно, меня устрашились, но тѣмъ не менѣе знали хорошо, что я съ моими маленькими пушками осаждать ихъ не буду, и...

-- И затѣмъ?—прервалъ Миллеръ.

— И затѣмъ, идете вы, генералъ, со мною, Садовскимъ, Калинскимъ, Зброжкомъ, Кшечовскимъ и Комаровскимъ.

— О! о! зачѣмъ же такъ много для этого *курятника*?—спросилъ Миллеръ.

— Для того, чтобы больше напугать монаховъ.

— Но неужели они будутъ защищаться?

— Не знаю, сомнѣваюсь...

— А какъ же васъ тамъ встрѣтили?

— Сначала просьбой, а потомъ пулей.

— Чортъ возьми! даже пулей! Ха, ха, ха!—засмѣялся Миллеръ,—не угодно-ли? Однако, какія молодцы эти монахи. Эхъ, если бы только было время, я бы научилъ ихъ уму-разуму!

— Да вѣдь необходимо занять Ченстоховъ.

— Совершенно справедливо, но все-таки, кажется, придется это дѣло опять отложить.

— Это была-бы большая ошибка, — горячо воскликнул Вейгардъ. — Имѣйте въ виду, генералъ, что насъ могутъ предупредить, а вѣдь это не шутка! Тамъ масса золота, цѣлыя горы серебра, драгоценностей, жемчуговъ, алмазовъ, тамъ въ погребахъ огромные бочки съ старымъ великолѣпнымъ виномъ....

Генералъ улыбнулся и хлопнулъ себя по животу.

— А вѣдь знаетъ какую струну задѣть, чтобы соблазнить меня, — сказалъ онъ, кивая головой. — Но какъ тутъ быть? Виттембергъ гонитъ меня въ Пруссію.

— Увидите, генералъ, что Ченстоховъ, много времени у насъ не отыметъ. Сами говорите, что это курятникъ; слѣдовательно, вамъ остается только явиться туда и взять.

— Да! а почему же вы сами не взяли?

— У меня не было подходящихъ орудій, а наконецъ, — скромно добавилъ Вейгардъ, — я и генералъ Миллеръ, это далеко не одно и тоже, и въ стратегіи я не думаю съ нимъ равняться!

Пощекотавъ этой далеко не тонкой лестью самолюбіе Миллера, Вейгардъ съ улыбкой добавилъ:

— Совѣтую вамъ идти въ монастырь, такъ какъ нигдѣ вамъ не удастся такъ пожить, а если опоздаете, то кто нибудь другой у васъ изъ подъ носа выхватитъ этотъ лакомый кусокъ.

— А что же будетъ съ Пруссіей?

— Обождетъ, — отвѣтилъ Вейгардъ.

— До Ченстохова не малый путь; пойти туда, провозиться тамъ, да пока назадъ вернешься....

— Все это вмѣстѣ не потребуетъ много времени, — сказалъ графъ, — вы только пріѣдете, хорошенько прикрикнете на почтенныхъ отцовъ, они сдадутся, вы возьмете все, что вамъ будетъ угодно, и затѣмъ вернетесь обратно. Согласитесь, монахи не могутъ же оказать намъ серьезнаго сопротивленія.

— Что правда то правда, — отвѣтилъ Миллеръ, послѣ нѣкотораго раздумья, — но....

— Не можетъ быть никакихъ «но», надо идти, идти скорѣе, чтобы они не имѣли времени достаточно укрѣпиться, призвать на помощь народъ и шляхту.... Надо пользоваться страхомъ, который я нагналъ на нихъ....

— А не вывезены ли уже сокровища?—черезъ минуту спросилъ Миллеръ.

— Нѣтъ, ручаюсь, что нѣтъ; но если-бы даже какую нибудь часть монахи скрыли, то все-таки еще слишкомъ много останется, да къ тому же еще можно взять хорошій выкупъ съ находящихся въ монастырѣ дворянъ. Монахи, болѣе чѣмъ слѣдуетъ полагавшіеся на крѣпость монастырскихъ стѣнъ, не спѣшили отправить свои сокровища въ безопасное мѣсто, а теперь, конечно, они будутъ бояться тронуться, изъ опасенія встрѣтятся съ какимъ нибудь изъ нашихъ отрядовъ. Виттембергу достаточно будетъ послать нѣсколько серебряныхъ статуй, а остальное все наше будетъ.

Миллеръ еще долго раздумывалъ, но Вейгардъ и Калининскій въ теченіе цѣлаго вечера не отставали и до такой степени измучили его, что онъ наконецъ уступилъ, и хорошенько выпивъ съ ними, отдалъ приказъ готовиться къ походу на Ченстоховъ.

Однако, прежде, чѣмъ стянуты были все его отряды и доставлены необходимыя осадныя орудія, прошло нѣсколько дней. Тѣмъ временемъ Вейгардъ послалъ изъ Кшеницъ отрядъ солдатъ жечь и грабить монастырскія села и деревни, чтобы устрашить монаховъ и показать имъ, что ихъ ожидаетъ, если они не сдадутся.

Х.

Извѣстіе о рѣшеніи, принятомъ генераломъ Миллеромъ, дошло до монастыря на четвертый день послѣ отступленія Вейгарда. Въ ту минуту, когда Кордецкому объ этомъ сообщили, онъ сидѣлъ съ нѣсколькими монахами и диктовалъ имъ письма къ Стефану Чарнецкому, къ королю, Теофилю Броневскому и къ каштеляну Варшицкому. Немедленно послалъ онъ собрать всехъ монаховъ на новый совѣтъ, желая укрѣпить ихъ твердость и мужество.

Кордецкій чувствовалъ, что обязанъ защищаться, однако,

были минуты мимолетнаго сомнѣнія и боязни. На его отвѣтственности была оборона святаго мѣста и безопасность многихъ лицъ, явившихся подъ его охрану, поэтому ему хотѣлось даже для собственнаго подкрѣпленія убѣдиться насколько его окружающіе сознають необходимость отпора, хотѣлось услышать свою мысль, высказанную устами другихъ. Онъ былъ увѣренъ въ мужествѣ защитниковъ монастыря въ данный моментъ, но его подчасъ беспокоилъ вопросъ о томъ, надолго-ли хватитъ этого мужества, столь необходимаго, въ случаѣ продолжительной осады. Шведы говорили, что хотятъ занять Ченстоховъ, ради ея безопасности, гарантировали цѣлость имущества и неприкосновенность религіи, но развѣ всѣ эти ручательства сами по себѣ не были унижительно? Съ другой стороны, въ случаѣ сопротивленія, они угрожали мстью, если даже не монастырю, то окрестнымъ селеніямъ. Въ душѣ пріора минутами происходила борьба, но подъ конецъ внутренній голосъ всегда повторялъ ему: «борись и ты побѣдишь!»

На призывъ Кордецкаго явились отцы, и всѣ въ такомъ спокойномъ настроеніи духа, какъ будто они не видѣли непріятеля и не знали о немъ. На лицахъ ихъ не было и тѣни сомнѣнія или боязни, напротивъ, онѣ дышали мужествомъ и энтузіазмомъ. Съ перваго взгляда на нихъ пріоръ понялъ, что безпокойство его напрасно. Но все же онъ хотѣлъ еще болѣе увѣриться, и, когда, послѣ общей молитвы къ Св. Духу, всѣ сѣли на свои мѣста, онъ медленно началъ говорить, представляя все, что было за и противъ обороны Ченстохова, и закончилъ такъ:

— Теперь, братья, я жду вашего мнѣнія; пусть каждый душой своей вознесется къ Богу и выскажетъ то, чѣмъ Всемогушій его вдохновитъ. Снимите тяжкое бремя съ плечъ моихъ.

Снова первымъ началъ о. Игнатій:

— Съ помощью Бога, мы будемъ защищаться, отче, и умремъ во славу вѣренной намъ святыни. Разъ посвятивъ свою жизнь, не подобаетъ колебаться, когда Всевышній посылаетъ испытаніе.

Это мнѣніе почти единогласно было принято всѣми. Даже о. Петръ подалъ свой голосъ за оборону Ясной-Горы, добавивъ только, что, быть можетъ, не помѣшало-бы послать къ Вит-

тембергу, прося охранной грамоты исключительно для монастыря.

— Письмо подобного содержания я уже давно послалъ къ Виттембергу, — сказала пріоръ.

Петръ умолкъ. Однимъ словомъ, всё пришли къ тому заключенію, что надо защищаться во что-бы то ни стало. И такъ, второе совѣщаніе разсѣяло всё сомнѣнія Кордецкаго, утверждая его въ сознаніи необходимости дать отпоръ шведамъ.

Теперь надлежало только какъ можно старательнѣе заняться всѣми необходимыми приготовленіями къ большому укрѣпленію монастыря. Нападеніе отряда Вейгарда на окрестныя селенія предвѣщало скорое приближеніе болѣе значительныхъ непріятельскихъ силъ. Въ виду этого, были посланы письма къ кievскому каштеляну, къ королю въ Спизъ и къ Варшицкому, а въ ближайшія деревни былъ командированъ венгерецъ Янашъ съ порученіемъ собирать нужныхъ людей и вести ихъ въ монастырь.

Пріоръ съ Замойскимъ, Чарнецкимъ и Малаховскимъ снова обошли стѣны. Чарнецкій окинулъ взглядомъ торговые ряды, прилѣпившіеся къ стѣнѣ и бастіонамъ, на деревянные навѣсы, расположенные почти у самыхъ воротъ, на маленькіе домики, разсѣянные по уступамъ горы и у ея подножія, и, указывая на нихъ, замѣтилъ пріору:

— По моему мнѣнію, все это надо безъ колебанія снести.

— Зачѣмъ? — спросилъ Кордецкій.

— Да затѣмъ, что всѣми этими постройками непріятель воспользуется, какъ готовымъ пристанищемъ и прикрытіемъ отъ нашихъ пуль, не говоря уже о томъ, что изъ-за нихъ ему будетъ удобнѣе обстрѣливать нашу позицію. Повторяю, все, что можетъ быть полезно врагамъ, необходимо уничтожить сейчасъ.

— Да, да, — подхватилъ Замойскій, отчасти пристыженный тѣмъ, что не онъ первый обратилъ на это вниманіе. — Господинъ Чарнецкій предвосхитилъ мою мысль. Согласно правиламъ стратегическаго искусства, всё эти строенія обязательно должны быть снесены.

— Но вѣдь это жилища и средства къ существованію бѣдныхъ людей, это магазины нашихъ мѣщанъ.

— Да, но нельзя же, чтобы изъ-за нихъ пострадалъ Ченстоховъ.

— *Necessitudo frangit legem* (необходимость нарушаетъ законъ), — добавилъ Замойскій. — Тутъ даже и думать нечего.

— И какъ можно скорѣе ихъ надо сжечь до основанія, не ожидая прибытія шведовъ.

— Что сжечь? — неожиданно раздался чей-то странный голосъ.

Всѣ оглянулись и замѣтили неслышно подошедшую нищую Констанцію, которая низкимъ поклономъ привѣтствовала пріора, а остальныхъ присутствующихъ чрезвычайно смѣшнымъ реверансомъ. Замойскій и Чарнецкій посмотрѣли на юродивую и умолкли. Кордецкий повернулся къ ней и ласково сказалъ:

— Это тебѣ не касается, о чемъ мы тутъ совѣтуемся.

— Извините, отче, очень даже касается. Навѣсы и будочки, вѣроятно, придется сжечь, а это мои лѣтніе и зимніе дворцы.

— Тебѣ необходимо будетъ поселиться въ другомъ мѣстѣ.

— Да, правда, останется ровъ, гдѣ тоже можно кое-какъ на время пріютиться и немного охранить свои старыя кости отъ вѣтра. Что дѣлать! коли надо, такъ надо, — добавила она. — Я, старая, давно живу на Ясной-Горѣ и всегда рада служить святому мѣсту. Если прикажете, такъ я готова поджечь собственную берлогу, скажите только слово.

Присутствующіе переглянулись.

— Не бойтесь, пріоръ меня знаетъ, я слуга Пресвятой Дѣвы, нашей Заступницы, сдѣлаю все, какъ слѣдуетъ быть, подожгу со всѣхъ четырехъ угловъ, а если даже мѣщане замѣтятъ, такъ по крайней мѣрѣ никого, кромѣ меня, упрекать не будутъ. Скажутъ: сумасшедшая! пришло ей что-то въ голову и подожгла.

— Я думаю, что она исполнитъ все, какъ говорить, — замѣтилъ пріоръ.

— Только положитесь на меня, — живо подхватила баба, — я непременно хочу услужить нашей Покровительницѣ и почтеннымъ отцамъ и ничего не боюсь, такъ какъ жизни я и въ грошъ не ставлю.

— Въ такомъ случаѣ, — обратился Замойскій, — сегодня ве-

черомъ сдѣлай то, что тебѣ скажутъ, только нужно наблюдать, куда вѣтеръ, чтобы случайно не перебросило огонь на монастырскую крышу.

— Для этого мы пошлемъ людей, — шепнулъ пріоръ.

Констанція въ ту же минуту исчезла, стремглавъ промчавшись черезъ ворота.

Лишь только наступилъ вечеръ и торговцы, забравъ свои товары, удалились на ночлегъ, какъ тотчасъ прибѣжала старуха съ горящимъ факеломъ, быстро направилась къ торговымъ рядамъ и, не медля, подожгла ихъ со всѣхъ четырехъ угловъ. Огонь быстро обратилъ ихъ въ кучу пепла.

Во все время пожара Констанція сидѣла не вдалекѣ и внимательно слѣдила за тѣмъ, чтобы ничего не осталось, а когда догорѣли послѣднія головешки, спустилась въ окружающій монастырь ровъ, и, обойдя его кругомъ, выбрала мѣсто посуше, куда кинула снопъ соломы, перекрестилась и тихо сказала страннымъ, насмѣшливымъ тономъ:

— Вотъ тебѣ новая хата!

На другой день отъ всѣхъ строеній, которыя были расположены по уступамъ горы и у ея подножія, осталось одно пепелище.

XI.

О, какъ ужасна война со всѣми безчисленными, сопровождающими ее бѣдствіями! Какъ въ жизни природы буря, такъ въ жизни народовъ война уничтожаетъ, сокрушаетъ все, встрѣчающееся ей на пути; страхъ и отчаяніе разрываютъ всѣ общественныя узы, люди ожесточаются, жадность, съ помощью безнаказаннаго населенія всюду находить пищу, развратъ не находитъ себѣ удержу, а слабые, беззащитные, которыхъ охранялъ только законъ, невинно погибаютъ. И какъ вѣтеръ гонитъ оторванные отъ деревьевъ вѣтви и листья, такъ боязнь гонитъ слабыхъ и робкихъ въ недоступныя мѣста, въ горы, въ укрѣпленные города. Но сколькимъ изъ такихъ некуда скрыться или нехватаетъ силъ разстаться съ роднымъ уголкомъ, гдѣ каждый камешекъ связанъ съ воспоминаніемъ. Молодой, храбрый, конечно, возьмется за оружіе и пойдетъ сра-

жаться, по старцы, женщины и дѣти?! Что будетъ съ ними? Да, всегда ужасна война, но какова она тамъ, гдѣ сталкиваются два народа, которыхъ раздѣляютъ раса, вѣра, языкъ и обычаи?!

Такого рода война происходила въ данное время между Польшей, или, вѣрнѣе, частью Польши и Швеціей.

Изъ многихъ мѣстъ Польши шведы выгнали шляхту, которая теперь направлялась въ города, замки и монастыри, оставивъ свои земли на произволъ судьбы; крестьяне, вмѣстѣ съ своими стадами, уходили въ лѣса и горы, изрѣдка выходя изъ своихъ убѣжищъ взглянуть, стоятъ-ли ихъ хижины, или сожжены.

Въ первый періодъ войны шведовъ сдерживалъ Радзеіовскій, уговаривая вождей не позволять солдатамъ безчинствъ, но чѣмъ болѣе война разгоралась, тѣмъ чаще войска шведовъ принуждены были пополнять убыль разнымъ сбродомъ бездѣльниковъ и мардеровъ, въ концѣ концовъ деморализировавшихъ своихъ болѣе дисциплинированныхъ товарищей. И вотъ горѣли селенія, деревни, на поляхъ уничтожался хлѣбъ, безпощадно разорялись замки, церкви и монастыри.

Таково было положеніе во многихъ мѣстахъ Польши и Литвы въ то время, когда Миллеръ съ войскомъ направлялся къ Ченстохову, куда все болѣе и болѣе собирались напуганные предстоящимъ нашествіемъ окрестные жители. Кордецкій радушно принималъ бѣглецовъ, а когда его иногда спрашивали, впускатъ-ли въ монастырь, онъ отвѣчалъ:

— Всѣхъ къ намъ, но отъ насъ никого.

Такое распоряженіе во время войны было необходимо, ибо надо было соблюдать величайшую осторожность, дабы непріятель не зналъ, что дѣлается на Ясной-Горѣ, которую Миллеръ насмѣшливо называлъ курятникомъ.

Бѣглецовъ помѣщали куда было возможно. Вozy, лошади, скотъ загроздили всѣмъ дворы. Ежедневно въ монастырь пріѣзжали гонцы съ разными извѣстіями. Пріоръ былъ освѣдомленъ о каждомъ шагѣ Миллера, и хотя въ донесеніяхъ силы шведовъ преувеличивались, онъ тѣмъ не менѣе нисколько не тревожился.

Сосѣдніе дворяне поспѣшно отирали изъ своихъ имѣній огромные запасы продовольствія, оружія и людей; одинъ каштелянъ Варшицкій доставилъ двѣнадцать хорошихъ пушекъ, которыя какъ разъ во время поспѣли.

Монахи, несмотря на то, что всё единогласно рѣшили защищаться, по мѣрѣ приближенія опасности отчасти поддавались тревогѣ, распространяемой прибывающими бѣглецами. Кордецкій съ состраданіемъ глядѣлъ на уstraшенныхъ, ибо въ душѣ его не осталось ни тѣни сомнѣнія, напротивъ, чѣмъ болѣе приближались враги, тѣмъ болѣе имъ овладѣвало мужество. Онъ скоро вошелъ въ роль вождя, энергично и умѣло распоряжаясь приготовленіями къ оборонѣ. Дни проводилъ онъ то во дворѣ, размѣщая бѣглецовъ, то въ складахъ, наблюдая за выдачей оружія, ночью обходилъ со своими друзьями стѣны и бастіоны, ничего не упуская изъ виду и провѣряя стражу. Всегда дѣятельный, веселый, спокойный, онъ ободрялъ падающихъ духомъ, всюду внося даже однимъ своимъ видомъ увѣренность и надежду. Вліяніе его на окружающихъ все болѣе и болѣе усиливалось. Въ отсутствіе Кордецкаго, болѣе слабые поддавались, быть можетъ, невольно, грустному настроенію и предвѣщали гибель; но лишь только появлялся пріоръ, какъ въ ту-же минуту боязнь, точно мгла, куда-то разсѣивалась и въ сердца окружающихъ снова проникали увѣренность и отвага.

Теперь въ монастырѣ пользовались каждой свободной минутой и движеніе происходило какъ днемъ, такъ и ночью. Монахи неустанно трудились, но тѣмъ не менѣе не пропускали ни одной изъ положенныхъ по уставу службъ.

Не мѣшаетъ здѣсь вспомнить, что орденъ Паулиновъ, названный такъ отъ имени перваго пустытника святаго Павла, былъ основанъ въ тринадцатомъ вѣкѣ и отличался чрезвычайной строгостью своего устава. Постоянное напоминаніе о смерти было однимъ изъ средствъ отвлеченія отъ матеріальныхъ интересовъ и для возможно большаго подъема духа. Мысль о смерти царила во всей жизни монаха. Строгіе посты, власяницы, всюду виднѣвшіяся эмблемы нашего земного ничтожества, все это безпрерывно приготовляло монаха къ смерти. Въ трапезной у подножія большого креста, занимавшаго главную стѣну, какъ разъ противъ стола пріора лежалъ человѣческій черепъ, который по очереди цѣловали, до начала трапезы, а пріоръ или старшій изъ монаховъ, послѣ благословленія пищи, заканчивалъ такъ:

— Помните о смертномъ часѣ и никогда не дѣлайте зла. Въ каждой кельѣ находился крестъ съ изображеніемъ Хри-

ста, а у его подножія была та же эмблема смерти. Когда происходилъ обрядъ постриженія, то на постригаемаго надѣвали саванъ и клали въ гробъ, а хоръ монаховъ въ это время пѣлъ надъ нимъ:

— Господи, забудь о грѣхахъ его въ день страшнаго суда...

Грозное *De profundis* отрывало уже навѣки отъ свѣта и наступало существованіе, полное непрерывнаго приготовленія къ смерти и отреченія отъ всего земнаго. Затѣмъ, по очереди всѣ монахи подходили къ лежащему въ гробу постригаемому и, окропляя его святой водой, говорили:

— Братъ, ты умеръ для свѣта и живешь для Бога.

Въ концѣ пѣли псаломъ «*Libera*» и молились, какъ за умершаго.

Еще въ семнадцатомъ вѣкѣ монахи соблюдали всѣ главныя предписанія устава св. Августина. Ночныя бдѣнія, власяницы, бичеванія, посты, исповѣдываніе больныхъ, погребеніе умершихъ неустанно приучали ихъ къ самоотреченію, то есть къ тому, что является прекраснѣйшей и труднѣйшей побѣдой духа надъ тѣломъ.

Кордецкій неуклонно слѣдилъ за исполненіемъ уставовъ, и въ этомъ отношеніи, быть можетъ, превзошелъ своихъ предшественниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внесъ въ это, подчасъ неясно сознаваемое стремленіе къ нравственному самосовершенствованію, животворящую силу своей великой души и возможно болѣе широкое пониманіе желаннаго идеала. Вдохновенный, какъ тѣ великіе мужи, что были первыми основателями монашескихъ орденовъ, почти отрекшійся отъ матеріальной жизни, онъ пророческимъ взоромъ своимъ проникалъ въ души людей и каждому робко таящемуся тамъ благородному чувству, каждой возвышенной мысли помогалъ развиться и расцвѣсть.

По мѣрѣ того, какъ приближались шведы, въ монастырѣ кипѣла работа, подкрѣпляемая горячей молитвой. Минуты религіознаго экстаза готовили людей къ самопожертвованію, возвышая ихъ и приучая равнодушно относиться ко всякимъ жалкимъ расчетамъ.

Въ среду, семнадцатаго ноября, вечеромъ, когда монастырь былъ наполненъ бѣглецами и уже закрытъ, внезапно раздался стукъ въ ворота и мольба о пристанищѣ. Пріоръ велѣлъ о. Петру и другому монаху впустить пріѣзжихъ.

Ворота открылись и во дворъ въѣхалъ братъ о. Петра, Янъ Лассота съ внучкой Ганной. По сильной усталости лошадей видно было, что путники очень спѣшили и ѣхали издалека.

О. Петръ, увидѣвъ брата съ внучкой, поблѣднѣлъ и смутился. Казалось, онъ глазамъ своимъ не вѣрилъ, и, наконецъ, подбѣжалъ къ пріѣхавшимъ скорѣе со страхомъ, нежели съ радостью. Обнявъ брата и поцѣловавъ дѣвочку, о. Петръ воскликнулъ:

— А! и ты здѣсь? Какими судьбами, какимъ образомъ?

— Я еле успѣлъ убѣжать отъ шведовъ; дай мнѣ скорѣе уголь, гдѣ-бы я могъ отдохнуть, такъ какъ совершенно разбить этимъ путешествіемъ. Можешь себѣ представить, каково мнѣ было при моей болѣзни ѣхать днемъ и ночью по такой сырой погодѣ. Меня поддерживала въ пути только мысль о спасеніи этого ребенка.

О. Петръ хотѣлъ что-то сказать, но не рѣшился, всмотрѣвшись въ болѣзненное исхудалое лицо брата, и въ задумчивости повелъ его и дѣвочку къ одному изъ флигелей и съ трудомъ отыскалъ для нихъ помѣщеніе. Когда первые нужды пріѣхавшихъ были удовлетворены, по лицу монаха скатились невольные двѣ крупныя слезы.

— Чего плачешь?— спросилъ Янъ,— вѣдь, надѣюсь, мы здѣсь вполне безопасны.

— Знаешь-ли ты, гдѣ находишься?— сказалъ о. Петръ,— ты здѣсь... подъ одной кровлей съ тѣмъ, которому до сихъ поръ не простилъ.

— Какъ!— воскликнулъ Янъ, приподымаясь, — какъ? Кшиштопорскій здѣсь? я съ нимъ?.. Пусти меня! Я предпочитаю понасть въ руки шведовъ!

Онъ поднялся и весь дрожалъ, а Ганна обняла его, заливаясь слезами.

— Успокойся, братъ, онъ здѣсь тебѣ ничего сдѣлать не можетъ: но согласись, что мнѣ необходимо было предупредить тебя заранѣе, кого ты встрѣтишь у насъ...

— Кшиштопорскій здѣсь! Кшиштопорскій въ монастырѣ... я съ нимъ,— все болѣе и болѣе волнуясь, повторялъ Янъ Лассота,— пусти меня, пусти! Я уѣду сегодня, сейчасъ, я остаюсь у васъ не могу...

— Ради Бога успокойся, братъ! — просилъ о. Петръ, — я желалъ, чтобы ты сразу выпилъ эту горькую чашу и перенесъ этотъ ударъ, какъ подобаетъ христіанину.

— И мнѣ надо будетъ смотрѣть на него, на того, который отнялъ у меня все, который убилъ тѣхъ, кого я любилъ, на моего притѣснителя?

— Братъ, мы все дѣти Христа...

— Я здѣсь не останусь, — крикнулъ, вторично подымаясь съ ложа, старецъ, — нѣтъ, нѣтъ! не хочу, не могу! Бду. Ганна, веди меня, ѣдемъ...

При послѣднихъ словахъ Яна Лассоты, тихо раскрылась дверь и въ комнату вошелъ пріоръ.

— Кого-же это намъ Богъ послалъ? — спросилъ онъ о. Петра.

— Это мой бѣдный братъ, отче, — отвѣтилъ тотъ.

— Отчего-же вы хотите ѣхать? — тихо и ласково проговорилъ Бордецкій, слышавшій послѣднія слова старца.

О. Петръ опустилъ голову и, какъ обыкновенно, смутился, покраснѣлъ, молчалъ, но за него отвѣтилъ старый шляхтичъ, весь дрожа отъ волненія:

— Прошу меня выпустить, — обратился онъ къ Бордецкому, — я прибылъ сюда, не зная, что встрѣчусь въ одномъ убѣжищѣ съ моимъ заклятымъ врагомъ, съ врагомъ, отнявшимъ у меня мои единственные сокровища: жену и дочь, который издѣвался надъ нами, который лишилъ меня куска хлѣба, который и здѣсь не даетъ покоя... Теперь, отче, понимаете, что мнѣ необходимо ѣхать, а потому, прикажите выпустить...

— Мой сынъ, — медленно возразилъ пріоръ, — здѣсь нѣтъ враговъ; здѣсь только дѣти единой Матери, быть можетъ, несчастные, но мужественные Ея защитники, я не понимаю тебя...

— Говори же ты, братъ! — въ сильнѣйшемъ волненіи и съ отчаяніемъ воскликнулъ старецъ.

Пріоръ перекрестилъ его.

— Богъ съ тобой, — сказалъ онъ, — Богъ съ тобой; нельзя такъ ненавидѣть и быть такимъ мстительнымъ; успокойся, успокойся. Войти сюда разрѣшается всякому, но выйти отсюда теперь никто не можетъ.

Янъ Лассота, обезсиленный, упалъ на постель, а Кордецкій, приблизившись къ нему, проговорилъ съ чувствомъ.

— Твой возрастъ долженъ былъ сдѣлать тебя болѣе склоннымъ къ прощенію. Успокойся, никто тебѣ подъ моей защитой не можетъ причинить ничего дурного. Я не спрашиваю даже, кто твой преслѣдователь, не хочу объ этомъ знать, но я здѣсь старшій, я опекунъ всѣхъ и не дамъ тебя обидѣть...

— Пустите меня, пустите! — точно обезумѣвшій, повторялъ Янъ Лассота.

— Шведы приближаются и ты можешь попасть къ нимъ въ руки. Въ гнѣвѣ и возбужденіи самъ не знаешь, чего требуешь. Богъ съ тобой! — добавилъ Кордецкій, снова осѣняя его крестнымъ знаменіемъ. — Прошу тебя, — довѣрься мнѣ; никто здѣсь не посмѣетъ обидѣть тебя ни словомъ, ни даже взглядомъ.

— Но я долженъ смотрѣть на своего жестокаго врага, а при одномъ видѣ его сердце мое будетъ истекать кровью, — воскликнулъ старецъ.

Пріоръ ничего не отвѣтилъ, шепнулъ нѣсколько словъ о. Петру и поспѣшно вышелъ изъ кельи.

XII.

Въ четвергъ Кордецкій рѣшилъ отслужить торжественное молебствіе предъ алтаремъ Пресвятой Дѣвы Заступницы. Церковь и часовня были великолѣпно разукрашены. Подъ своды величественнаго храма собрались старцы, женщины, дѣти, солдаты, всѣ безъ исключенія съ горячей искренней мольбою, какъ обыкновенно бываетъ въ минуту опасности... Одни съ благоговѣніемъ упали ницъ, другіе склонили колѣни, нѣкоторые молча стояли въ какомъ-то оцѣпѣненіи, прерываемомъ минутами краткой, вдохновенной молитвы. Среди тишины раздавался хоръ монаховъ, слышались звуки органа и вздохи молящихся. Но вотъ на амвонъ вошелъ Кордецкій, помолился и обратился къ слушателямъ со словами:

— Лучше намъ умереть на войнѣ, нежели глядѣть на несчастіе нашего народа. Но какова будетъ воля на небѣ, пусть такъ и совершится.

Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ краснорѣчивыхъ напыщенныхъ проповѣдниковъ, какихъ немало было въ тѣ времена, но это былъ вдохновенный священнослужитель, котораго рѣчь бурнымъ могучимъ потокомъ вытекала изъ глубины души, поражая своею силой и величіемъ религіознаго экстаза.

И вотъ, когда, возбудивъ слабыхъ призывомъ къ вѣрѣ, онъ вознесъ горячую мольбу о спасеніи, сердца присутствующихъ дрогнули отъ умиленія и прониклись страстнымъ желаніемъ жертвъ и подвиговъ. Солдаты почувствовали себя готовыми преодолѣть все, въ душахъ старцевъ загорѣлась юношеская отвага, сила монастыря показалаcя всѣмъ непреоборимой.

Послѣ молебствія начался гимнъ: «Святый Боже! Святый крѣпкій! Святый безсмертный помилуй насъ.»

Затѣмъ, священникъ взялъ Св. Дары, народъ немного отступилъ, Замойскій и Чарнецкій взяли священника подъ руки, и процессія съ хоругвями направились къ церковнымъ дверямъ, а за нею волнами двинулись молящіеся.

При звонѣ колоколовъ и торжественномъ пѣніи молитвы процессія медленно обошла монастырскія стѣны, какъ-бы очерчивая чудодѣйственный кругъ, который долженъ былъ охранять Ченстоховъ. Каждый разъ, когда приближались къ пушкамъ, которыхъ еще холодныя жерла были обращены на пустыя окрестности, къ сложеннымъ пирамидами ядрамъ и бомбамъ, всѣ останавливались, священникъ выступалъ впередъ и, во имя Бога, окроплялъ святой водой эти страшныя орудія смерти. Это былъ торжественный моментъ и величественное зрѣлище!

Осеннее солнце, проглядывавшее изъ-за тучъ, казалось, благословляло эту горсть вѣрующихъ, готовыхъ сразиться съ стократно могущественнѣйшимъ непріателемъ. Это было выдающееся торжество, которое, какъ и рѣчь пріора, способствовало подъему духа осажденныхъ. Но еще не окончилась процессія, какъ внезапно всѣ невольно остановились, пытливо вглядываясь въ окрестности.

Шведское войско въ эту минуту занимало деревню и располагалось на дорогѣ и прилегающихъ къ ней поляхъ. При этомъ видѣ, всѣ, какъ одинъ человекъ, склонили колѣни, а Кордецкій началъ пѣть:

— Предъ очи Твои, Господи...

Эти слова покаянія тотчасъ нашли отголосокъ въ сердцахъ присутствующихъ, ибо у каждаго было свое бремя. Процессія, сопровождаемая звономъ всѣхъ колоколовъ, звуками музыки, аккомпанирующей молитвъ, медленно прослѣдовала назадъ въ церковь.

Вскорѣ всѣ разошлись, а Кордецкій началъ разставлять людей, осматривать орудія и наблюдать за дѣйствіями непріятеля.

Шведское войско, какъ саранча, разсѣялось у подножія горы, охватывая его со всѣхъ сторонъ. Видны были три штандарта съ коронами Густава, алебарды пѣшихъ солдатъ, шляпы съ перьями кавалеристовъ, одѣтыхъ въ блестящіе доспѣхи, и тутъ же сопутствующихъ имъ для ознакомленія съ мѣстностью поляковъ, которые какъ-бы неохотно слѣдовали за своими благопріобрѣтенными друзьями. По дорогамъ тащились орудія, зарядные ящики и обозъ съ продовольствіемъ и шатрами. Вѣтеръ, дувшій съ той стороны, доносилъ по временамъ голоса солдатъ и звуки военныхъ трубъ. Маленькій кавалерійскій отрядъ издали объѣзжалъ и осматривалъ стѣны.

Поляки стали лагеремъ недалеко отъ мѣстечка и, очевидно, не хотѣли смѣшиваться съ войсками Карла Густава. Между тѣмъ шведы на глазахъ Кордецкаго заняли ближайшій поселокъ и лежащій къ югу монастырскій хуторъ.

— Я бы открылъ огонь, — сказалъ Замоискій.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ пріоръ, — намъ не подобаетъ первымъ начинать непріятельскія дѣйствія; пусть они начинаютъ и берутъ на себя отвѣтственность за пролитую кровь.

Внезапно послышался сильный стукъ въ ворота. Послали узнать, въ чемъ дѣло, и черезъ минуту явился монахъ братъ Павелъ съ донесеніемъ, что какой-то полякъ посолъ отъ Миллера прибылъ съ письмомъ.

— Впустите его, — сказалъ Кордецкій и тотчасъ поспѣшилъ къ первымъ воротамъ.

Здѣсь усаачъ-кавалеристъ изъ отряда Голынского передалъ письмо Миллера, и одновременно съ этимъ пришло извѣстіе, что шведы въ монастырскомъ хуторѣ убили управляющаго Яна Конопскаго. Это уже являлось первымъ непріятельскимъ дѣйствіемъ.

— Ну, теперь, — сказалъ Замойскій, — я думаю, пора въ отвѣтъ открыть огонь.

— Совершенно справедливо, — отвѣтилъ Кордецкій, — они первые пролили невинную кровь, — и войдя на стѣны и осѣнивъ крестнымъ знаменемъ пушки, крикнулъ:

— Во имя Бога!

Почти въ ту же минуту раздался оглушительный громъ орудій, сильнымъ эхомъ прокатившійся по долинѣ. Ядра со свистомъ пронизали воздухъ, а когда дымъ немного разсѣялся, то можно было замѣтить смятеніе, произведенное ими въ рядахъ шведовъ. Между тѣмъ, выстрѣлы со стѣнъ не прекращались до тѣхъ поръ, пока непріятель не очистилъ занятую имъ гору. Среди протяжнаго гула пушечныхъ выстрѣловъ читали письмо Миллера. Оно было, очевидно, написано въ надеждѣ легкой и скорой сдачи монастыря, въ немъ заключались отчасти дружескій совѣтъ, отчасти угроза. Миллеръ приказывалъ немедленно выслать къ нему монаховъ для переговоровъ объ условіяхъ капитуляціи, извѣщая, что прибылъ занять Ченстоховъ именемъ Карла Густава. Обѣщалъ милость своего короля, уваженіе къ святынямъ, вѣрѣ, обрядамъ и всякой собственности; «но если, — заканчивалъ онъ, — вы осмѣлитесь сопротивляться и въ особенности теперь, когда уже вся Польша занята нашими войсками, то я буду принужденъ употребить силу, и тогда горе вамъ! Совѣтую даже не думать о бесполезной оборонѣ».

Пріоръ съ улыбкой положилъ прочитанное письмо на столъ. Почти въ ту же минуту ввели двухъ поляковъ, изъ отряда Голынского, отправленныхъ генераломъ съ просьбой прекратить огонь и уговориться относительно перемирія.

Послы были очень смущены своимъ положеніемъ. Оба были среднихъ лѣтъ. Одинъ родомъ изъ Великой Польши былъ, очевидно, боевой офицеръ, другой казался новичкомъ въ военномъ дѣлѣ. Кордецкій принялъ ихъ, выказавъ сильное изумленіе.

— Кого это я вижу? — воскликнулъ онъ, — поляковъ, воюющихъ съ Ченстоховской Божьей Матерью? Можетъ ли это быть? Вы, вѣроятно, не католики?

— Мы католики, — отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, — и Богъ ви-

дѣть, какъ намъ тяжело, что мы прибыли сюда со шведами, воевать мы вовсе не думаемъ, помогать воюющимъ тоже, но стоять должны.

— Вотъ слѣдствіе легкомысленнаго отношенія къ интересамъ своего отечества! — воскликнулъ Кордецкій. — Вы присоединились къ шведамъ, а шведы ведутъ васъ на вашу Мать и Заступницу.

— Мы не забыли, — снова сказалъ первый, — что должны относиться съ благоговѣніемъ къ святому мѣсту, — и воевать не помышляемъ, сохрани Богъ...

— И тѣмъ не менѣе, равнодушно, сложа руки, будете смотрѣть, какъ шведы будутъ съ нами сражаться?

Посолъ вздохнулъ.

— Стыдно, стыдно! — добавилъ пріоръ, — у васъ мало вѣры! Вы оставили своего короля, оставили свою отчизну-мать, связались съ чужеземцемъ-завоевателемъ, какіе же вы, послѣ этого, граждане, какіе патріоты?

Послы чрезвычайно смутились и положительно не знали, что дѣлать. Наконецъ, вспомнивъ зачѣмъ они пришли, невнятно бормоча, стали просить о перемиріи.

Кордецкій взглянулъ на Замойскаго, готовящагося, казалось, сказать подходящую случаю рѣчь, затѣмъ на Чарнецкаго, который теръ свою лысину и нетерпѣливо теребилъ усы.

— Пусть господа шведы, — возразилъ пріоръ, черезъ минуту, — очистятъ хуторъ, и тогда мы прекратимъ огонь.

Послы переглянулись, какъ бы совѣтуясь между собою, кому изъ нихъ идти, и наконецъ младшій быстро удалился. Другой остался, сѣтуя на свою судьбу въ частности и положеніе Польши вообще и стараясь разговаривать съ присутствующими; но напрасно, всѣ сторонились отъ него, какъ отъ зачумленнаго. Пріоръ, однако, держался съ нимъ, какъ побало ему, и даже предложилъ ужинъ, но какъ разъ въ этотъ моментъ вернулся другой посланный съ извѣщеніемъ, что Миллеръ уходитъ съ хутора не намѣренъ.

— Воля ваша; въ такомъ случаѣ, и я не уступлю и немедленно прикажу вновь открыть огонь.

Этимъ закончились переговоры.

Послы удалились печальные и взволнованные. Совѣсть,

пробужденная словами Кордецкого, грозно напомнила имъ о забытомъ долгѣ.

Орудія, между тѣмъ, гремѣли до ночи.

Въ эту ночь никто не сомкнулъ глазъ, ни въ монастырѣ, ни въ лагерѣ шведовъ. На высокой церковной колокольнѣ, по приказу пріора, былъ поставленъ большой фонарь, и свѣтъ его точно просилъ помощи и спасенія. Въ лагерѣ Миллера горѣли большіе костры, указывая расположеніе его отрядовъ. Небо было пасмурное, осенній вѣтеръ рвалъ непріятельскіе шатры. Орудія еще гремѣли, но все рѣже и рѣже. Кордецкий, сопровождаемый Замойскимъ, прогуливался недалеко отъ одного изъ бастионовъ.

— Вы меня учите воевать,—сказалъ онъ, улыбаясь.

— Не я, а Богъ васъ учить,—возразилъ Замойскій,—это самый лучший учитель.

— Вижу, что намъ необходимо принести еще одну жертву.

— Война живетъ жертвами!—со вздохомъ проговорилъ Замойскій.

— Вѣришь, все, что существуетъ, поддерживаетъ свою жизнь жертвами. Тамъ только жизнь, гдѣ жертва, но не объ этомъ идетъ рѣчь. Видите отсюда нашъ хуторъ? Тамъ большіе запасы хлѣба и шведы будутъ пользоваться плодами тяжелого труда нашихъ поселянъ. Что вы на это скажете?

— Надо сжечь,—коротко отвѣтилъ Замойскій.

— Да, самъ я это понимаю, а все-таки какъ трудно отдавать приказаніе, послѣдствіемъ котораго будетъ уничтоженіе того, что создано неустанными трудами бѣдныхъ людей. О! не наше это дѣло война, вовсе не наше! А, между тѣмъ, рѣшиться надо. Будьте любезны, распорядитесь вы и прикажите пустить туда нѣсколько бомбъ, такъ какъ я не въ силахъ приказать и даже смотреть.

Сказавъ это, онъ поспѣшно удалился, а Замойскій подождалъ къ себѣ стоявшаго у мортиры пушкаря Вахлера.

Это былъ толстый нѣмецъ, съ сердитымъ непріятнымъ лицомъ, съ неуклюжими тяжеловѣсными движеніями. Его никто не любилъ, и въ монастырь его пригласили только изъ нужды. По цѣлымъ днямъ этотъ несносный челоуѣкъ ссорился, то изъ-за пищи, то изъ-за вознагражденія, то изъ-за постоян-

ныхъ требованій предоставленія ему какихъ-то особенныхъ удобствъ. Работалъ неохотно и точно изъ любезности. Со времени прихода шведовъ Вахлеръ сдѣлался еще хуже, понимая, что теперь онъ еще болѣе необходимъ. Къ полякамъ относился съ высокомеріемъ, такъ что не разъ у нихъ чесались руки выкинуть его за стѣну. Приходилось, однако, сдерживаться, такъ какъ нѣмецъ понималъ свое дѣло.

Вахлеръ, что-то ворча себѣ подъ носъ, подошелъ къ Замоискому.

— Видишь-ли тотъ хуторъ, гдѣ горятъ огни? — сказалъ тотъ нѣмцу. — Вотъ туда надо пустить одну или двѣ бомбы и сжечь всѣ амбары.

Вахлеръ взглянулъ, пожалъ плечами и даже не двинулся съ мѣста.

— Ночь... — проворчалъ онъ.

— Ну, такъ что же? Позвать канонировъ, приготовить мортиры и немедленно открыть огонь.

Вахлеръ хотѣлъ было вступить въ препирательства, но при свѣтѣ висѣвшаго фонаря замѣтивъ выраженіе лица Замоискаго и его грозный взглядъ, опомнился, что-то пробормоталъ и поспѣшилъ тотчасъ исполнить данное ему приказаніе.

Замоискій не успѣлъ даже уйти, какъ первая бомба, съ шипѣньемъ описавъ въ воздухѣ огненный полукругъ, упала на крышу хутора. За ней слѣдомъ полетѣли другія и, съ трескомъ разорвавшись, вскорѣ зажгли всѣ указанные постройки. Вспыхнуло огромное пламя и на далекое разстояніе озарило окрестности. При свѣтѣ огня ясно виднѣлись фигуры быстро удаляющихся съ хутора шведовъ. Вѣтеръ былъ восточный и головни летѣли въ поле и такимъ образомъ пожаръ не охватилъ даже стоящей вблизи часовни св. Варвары, благополучно уцѣлѣвшей отъ перваго нашествія. Зарево пожара, все болѣе увеличиваясь, освѣтило раскинутый въ разныхъ направленіяхъ лагерь шведовъ, мѣстечко съ его величественнымъ соборомъ, часовню св. Якова и монастырь; въ темнотѣ оставались только сѣверная и сѣверо-западная части монастырской стѣны. Орудійные выстрѣлы продолжались до полуночи, производя смятеніе въ непріятельскомъ станѣ. Наконецъ, огонь,

уничтоживъ все, сталъ постепенно угасать, а стрѣльба становилась все рѣже и рѣже.

Въ монастырѣ у монаховъ происходило ночное бдѣніе. Многіе изъ бѣглецовъ, непривычные къ войнѣ, въ страхѣ прислушивались къ протяжному гулу пушечныхъ выстрѣловъ, къ оглушительному треску разрывающихся бомбъ. Одни изъ бѣглецовъ молились, другіе влѣзали на стѣны, смотрѣли на освѣщенный заревомъ пожара лагерь шведскаго войска, съ безпкойствомъ думая о томъ, что будетъ завтра.

Пріоръ, послѣ молитвы, тихо направился къ сѣверной части стѣны, провѣрилъ караулы и спустился во дворъ. Въ ночной тишинѣ слышались только шаги мѣрно прохаживающихся часовыхъ, да время отъ времени тихо произносимый ими при смѣнѣ пароль: «Пресвятая Дѣва — Святой Павелъ».

XIV.

Кордецкій направился къ квартирѣ, занимаемой Яномъ Лассотой, и, замѣтивъ свѣтъ, тихо постучалъ въ дверь. Оттуда послышался слабый невнятный старческій голосъ. Пріоръ вошелъ и засталъ больного старика сидящимъ на постели, съ печально склоненной головой, съ взглядомъ, выражавшимъ глубокое страданіе. Возлѣ него на маленькомъ стулѣ сидѣла Ганна и время отъ времени утирала набѣгавшія слезы. Блѣдный мигающій свѣтъ лампы слабо освѣщаль небольшую убогую, со сводчатымъ потолокомъ, комнату. Старецъ, услышавъ легкій скрипъ открывшихся дверей, поднялъ голову, предполагая, что это входитъ его братъ, но, замѣтивъ пріора, снова въ молчаніи опустилъ ее, какъ бы давая понять, что прибывшій не былъ для него желаннымъ гостемъ. Кордецкій не обратилъ на это вниманія и спокойно сѣлъ у постели.

— Братъ мой, — сказалъ онъ, — вижу, что ты страдаешь, и потому мнѣ хочется тебя утѣшить, насколько это, конечно, въ моихъ силахъ, хочется внѣдрить въ тебя терпѣніе и выносливость.

— Какъ же мнѣ не страдать? — возразилъ, послѣ минутнаго молчанія, Лассота. — Вы видите, отче, этого ребенка —